ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОВѢТѢ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II-й.

Составлена И. Чистовичемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

При Государственной Канцеляріи, по особому Высочайшему повелѣнію, составляется, подъ главною редакціею сенатора Н. В. Калачова, систематическое описаніе архива Государственнаго Совѣта. Въ концѣ минувшаго 1869 года изданъ первый томъ этого описанія, въ двухъ частяхъ, содержащихъ въ себѣ систематическое извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта, бывшаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II. При всеподданнѣйшемъ представленіи Государю Императору сего труда, поднесена была на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества составленная, по порученію Государственнаго Секретаря, помощникомъ главнаго редактора П. А. Чистовичемъ, историческая записка, которая заключаетъ въ себѣ общія свѣдѣнія о Совѣтѣ въ царствованіе Императрицы Екатерины II и сокращенное изложеніе содержанія главнѣйшихъ отдѣловъ изданнаго тома.

Государь Императоръ, въ Высочайшемъ вниманіи къ важности содержанія описанія архива, какъ историческаго памятника, разрѣшивъ обращеніе онаго въ продажу, соизволилъ и на напечатаніе издаваемой нынѣ исторической записки.

Совѣтъ, учрежденный Императрицею Екатериною II, принадлежитъ къ разряду тѣхъ высшихъ установленій, въ которыя особымъ довѣріемъ Государей, Ея предшественниковъ, призываемы были знатнѣйшіе сановники государства къ совѣщаніямъ о важныхъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Таковы были: въ періодѣ древней Россіи—Царская Дума; при Императорѣ Петрѣ I—Ближняя Канцелярія; при Императрицѣ Екатеринѣ I и Императорѣ Петрѣ II—Верховный Тайный Совѣтъ; при Императрицѣ Аннѣ—Кабинетъ Ея Величества; при Императрицѣ Елизаветѣ—Конференція при Высочайшемъ дворѣ. Такимъ же установленіемъ былъ и Совѣтъ при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Учрежденіе Совѣта.

Учрежденный при началѣ первой турецкой войны и ближайшимъ образомъ для обсужденія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію этой войны, Совѣтъ сначала имѣлъ видъ чрезвычайнаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовала Сама Императрица и Своими устными и письменными предложеніями назначала предметы для разсужденій. Такихъ собраній было 10-ть (съ ноября 1768 по 22-е января 1769 г.). Но уже въ январѣ

1769 г. Совѣтъ получилъ видъ постояннаго установленія, въ которое стали вноситься постепенно не только дѣла, касавшіяся войны и мира, но сверхъ сего и всеподданнѣйшіе доклады, реляціи и другія бумаги о событіяхъ особенной важности въ предѣлахъ Россіи, а также вопросы по части финансовъ и вообще по внутреннему какъ военному, такъ и гражданскому управленію. Равнымъ образомъ Совѣту были предъявляемы манифесты и указы Императрицы, которыми возвѣщались важныя преобразованія и призывались къ жизни разнообразныя учрежденія, составившія славу Ея царствованія.

Съ самаго учрежденія Совѣта, въ кругъ его разсужденій входили дипломатическая переписка и сношенія Россіи съ иностранными государствами и народами. Важнѣйшую часть ихъ составляли: сношенія Россіи съ Пруссіей и Австріей по польскимъ дѣламъ передъ первымъ и вторымъ раздѣломъ Польши; сношенія съ державами, предлагавшими свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Турціей и Швеціей; Крымскія дѣла; наблюденіе за образомъ дѣйствій и движеній сопредѣльныхъ съ Россіею народовъ магометанскаго закона (горскихъ закавказскихъ племенъ, персидскихъ владѣльцевъ, Киргизъ-Кайсаковъ и проч.), постоянно возбуждаемыхъ Портою къ нападенію на Россію, и наконецъ сношенія съ Бухарой, Ташкентомъ, Китаемъ и Японіей.

Высочайшія повелѣнія объявляемы были Совѣту или Самою Императрицею устно или въ запискахъ. Послѣднія выражали или прямо Ея волю или желаніе обратить вниманіе членовъ Совѣта на какой либо предметъ, въ первомъ или третьемъ лицѣ: «Мое желаніе есть...» «Ея Величество разсуждаетъ...» Когда

Императрица не присутствовала въ Совѣтѣ, то протоколы подносимы были на Ея воззрѣніе. Нѣкоторые возвращаемы были въ Совѣтъ съ собственноручными отмѣтками противъ статей, обратившихъ на себя Ея особенное вниманіе, и съ утвержденіями Императрицы, выраженными въ словахъ: «быть по сему».

Императрица, и послѣ преобразованія Совѣта въ постоянное учрежденіе, очень часто Сама присутствовала въ немъ и предлагала предметы для обсужденія, особенно во время военныхъ дѣйствій съ Турціею и Швеціею, въ труднѣйшіе моменты войны, при особенно важныхъ дипломатическихъ сообщеніяхъ, также во время моровой язвы и пугачевскаго бунта. Государыня обыкновенно приходила къ началу собранія, а иногда входила въ срединѣ собранія, и, сдѣлавши предложеніе или выслушавши докладъ, уходила, предоставляя собранію продолжать свои разсужденія. Если въ разсужденіяхъ Совѣта, въ отсутствіи Ея, постановлялось что нибудь, выходившее изъ круга извѣстныхъ Ей предположеній и распоряженій, то въ слѣдующее собраніе Она приходила въ Совѣтъ и требовала объясненія по тому предмету.

Присутствуя въ Совѣтѣ, Императрица не только внимательно выслушивала мнѣнія, но и противорѣчія Ея собственнымъ мыслямъ. Въ 1773 г., при разсужденіи о дачѣ изъ банка въ займы денегъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Г. Г. Орловъ возразилъ, что этимъ разстроивается существо банка. Императрица отвѣчала, «что употребленіемъ изъ банка только съ небольшимъ милліона нельзя его разстроить, и что впрочемъ Ея Величество, обѣщавъ при учрежденіи сего банка манифестомъ — пещись о цѣлости онаго, въ томъ отвѣтствуетъ. И когда генералъ-фельдцейхмейстеръ извинялся въ представленіи по тому своихъ мыслей,

Государыня отвѣчала, что Ей всегда угодно, чтобъ всякъ не только свободно открывалъ свои мнѣнія, но и оспаривалъ также Ея собственныя, потому что симъ средствомъ можно доходить до истины» (9-го августа 1773 г.).

Составъ Совѣта.

Членами Совѣта, при Императрицѣ Екатеринѣ II, были знаменитѣйшіе Ея сподвижники. При первомъ образованіи Совѣта, въ составъ его назначены были: фельдмаршалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, графъ Никита Ивановичъ Панинъ, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Послѣ того, частію во время первой турецкой войны, частію въ промежутокъ времени между первою и второю турецкими войнами, назначены были въ Совѣтъ членами: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, генералъ, впослѣдствіи князь, Григорій Александровичъ Потемкинъ, графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ и графъ Александръ Андреевичъ Безбородко. Кромѣ этихъ, относительно немногихъ, назначеній, Совѣтъ не пополнялся новыми членами, такъ что ко времени второй турецкой войны въ немъ осталось только четыре члена. А потому, при началѣ этой войны, Совѣтъ, по своему личному составу, получилъ новое образованіе. Въ этотъ разъ членами его назначены были, сверхъ наличныхъ четырехъ (князя А. А. Вяземскаго, графа И. Г. Чернышева, графа И. А. Остермана и графа А. А. Безбородко), графъ Яковъ Александро-

вичъ Брюсъ; воспитатель Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, Николай Ивановичъ Салтыковъ, впослѣдствіи князь; графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ; тайные совѣтники: Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ и Петръ Васильевичъ Завадовскій (впослѣдствіи графъ) и Александръ Николаевичъ Самойловъ (впослѣдствіи графъ). Принимая участіе въ общихъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ Совѣта, каждый изъ нихъ, какъ начальникъ отдѣльной части, ближайшимъ предметомъ въ Совѣтѣ имѣлъ дѣла своего управленія.

Назначенные въ Совѣтъ членами давали обязательство (присягу) хранить въ тайнѣ разсужденія Совѣта, которое и было подписано первыми членами при учрежденіи Совѣта, какъ постояннаго учрежденія, а послѣдующими подписывалось при вступленіи каждаго изъ нихъ въ это званіе.

Кромѣ того въ Совѣтъ приглашаемы были, для совѣщаній, разныя лица, спеціально знакомыя съ дѣлами, подлежавшими обсужденію Совѣта, именно: члены Адмиралтейской коллегіи и командующіе флотами адмиралы по дѣламъ морскихъ экспедицій; генералъ-кригсъ-коммисаръ — по части продовольствія арміи; инженеры—по части укрѣпленія крѣпостей; директоръ банка—по дѣламъ банка; статсъ-секретарь Тепловъ—по дѣламъ о пошлинахъ и налогахъ и по устройству вновь присоединенныхъ къ Россіи губерній; лейбъ-медикъ Ореусъ—при разсужденіяхъ о прекращеніи моровой язвы, и другіе. Въ протокольной записи о нихъ употреблялось стереотипное выраженіе: «впущенъ былъ въ Совѣтъ такой-то». Графъ Алексѣй Григорье-

вичъ Орловъ присутствовалъ въ Совѣтѣ всякій разъ, когда былъ въ С.-Петербургѣ, для совѣщанія о дѣйствіяхъ Архипелажской экспедиціи.

Дни собраній Совѣта.

При самомъ учрежденіи Совѣта, какъ постояннаго учрежденія, для собраній его назначены были два дня въ недѣлю, понедѣльникъ и четвергъ; а съѣзжаться положено въ 10-мъ часу утра; но, кромѣ этихъ урочныхъ дней, собранія иногда созываемы были въ неурочные дни, по Высочайшимъ повелѣніямъ Императрицы, иногда даже два раза въ день, по утру и въ вечеру. Во время отбытія Императрицы въ лѣтнія резиденціи (Царское Село и Петергофъ), Совѣтъ собирался одинъ разъ въ недѣлю, именно въ понедѣльникъ, тамъ, гдѣ Государыня имѣла пребываніе, а въ четвергъ—въ С.-Петербургѣ.

Протоколы Совѣта.

Разсужденія Совѣта заносимы были въ протоколы, которые и подписывались въ слѣдующее собраніе всѣми присутствующими членами. Протоколы Совѣта, заключая въ себѣ его дѣйствія втеченіи почти всего царствованія Екатерины II (начиная съ 1768 по 1796 г.), обильны свѣдѣніями по внѣшнимъ сношеніямъ того времени и по разнымъ частямъ внутренняго управленія, свѣдѣніями, тѣмъ болѣе драгоцѣнными, что они нерѣдко выясняютъ самыя побужденія, которыми руководствовалось правительство для извѣстныхъ дѣйствій и распоряженій. Давая возможность полнѣе уразумѣть причины и значеніе многихъ событій столь обильнаго событіями царствованія Екатерины II, они съ сознательною отчетливостію рисуютъ самое лицо Императрицы, свидѣтельствуютъ о высокихъ качествахъ

Ея ума и сердца, и выясняютъ то благотворное вліяніе, какое имѣло на ходъ управленія личное участіе Ея въ обсужденіи важнѣйшихъ дѣлъ, въ кругу знаменитыхъ государственныхъ людей, которыхъ Она избирала Своими совѣтниками и ближайшими исполнителями Своихъ предначертаній.

Систематическое описаніе протоколовъ Совѣта.

Изданный Государственною канцеляріею, съ Высочайшаго соизволенія, томъ, заключающій въ себѣ систематическія извлеченія изъ протоколовъ Совѣта въ царствованіе Императрицы Екатерины II, по различію предметовъ, подлежавшихъ обсужденію Совѣта, раздѣляется на два отдѣленія: историческое и юридическое. Первое обнимаетъ военныя дѣйствія, дипломатическія сношенія Россіи съ иностранными государствами и нѣкоторыя, особенно важныя, внутреннія событія царствованія Императрицы Екатерины II. Второе отдѣленіе заключаетъ дѣла, относящіяся къ законодательству, суду, финансамъ и другимъ отраслямъ текущаго гражданскаго и военнаго управленія.

I. ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

Въ составъ этого отдѣленія вошли слѣдующіе главные предметы: первая турецкая война и первый раздѣлъ Польши; моровая язва; казацкіе бунты и Пугачевъ; вторая турецкая и шведская войны; польская война; второй и третій раздѣлы Польши; разсужденія Совѣта и мѣропріятія по поводу французской революціи.

I. Первая турецкая война.

Первая турецкая война была первою войною въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Рядъ относящихся къ ней протоколовъ Совѣта представляетъ съ одной стороны безчисленныя и крайнія затрудненія, политическія и финансовыя, съ которыми Россія должна была бороться и которыя должна была преодолѣвать во время этой войны, съ другой—все болѣе и болѣе распространяющіеся виды Россіи на выгоды отъ побѣды надъ Турками.

Первыя дѣйствія Русскихъ въ этой войнѣ были слабы и нерѣшительны, средства къ веденію войны—недостаточны, цѣли—недовольно опредѣленны; въ распоряженіяхъ главнокомандующихъ не было единодушія, въ дѣйствіяхъ арміи—согласія и направленія къ одной цѣли. Совѣтъ долженъ былъ, въ одно и то же время, заботиться объ укомплектованіи арміи рекрутами и снабженіи ихъ оружіемъ, объ изысканіи денежныхъ средствъ къ продолженію войны, объ установленіи общаго плана для военныхъ дѣйствій, наблюдая въ то же время за каждою подробностію его исполненія, и наконецъ, на дипломатическомъ пути, располагать въ пользу Россіи европейскіе дворы, устраняя по возможности вредныя вліянія тѣхъ дворовъ, которые уже открыто были на сторонѣ Турціи.

Молдавія и Валахія.

Другой годъ войны былъ счастливѣе перваго. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дѣйствій русской арміи, во власти Россіи было уже нѣсколько турецкихъ крѣпостей и двѣ цѣлыя области— Молдавія и Валахія. Первоначально въ видахъ Русскаго правительства было удержать ихъ за собою, и Императрица по этому поводу предлагала Совѣту: «Молдавія и невыжженная часть Валахіи уже нѣсколько мѣсяцевъ въ нашихъ рукахъ; но о ихъ правленіи, сборахъ и прочемъ еще ничего не положено, и всѣ люди, кои тамъ въ диванѣ или инако губернаторами, или и другія дѣла отправляютъ, по турецкой аукторизаціи, а не по нашей. Если сіе не противно порядку, то по крайней мѣрѣ не сходно съ благопристойностью. И такъ надлежитъ разсуждать и самымъ дѣломъ положить, какъ быть тамъ отъ сего времени: чего Я отъ Совѣта требую» (11-го марта 1770 г.). Поэтому было разсуждаемо, что «разсмотрѣніе сего должно оставить до тѣхъ поръ, пока всѣ сихъ провинцій депутаты сюда пріѣдутъ и въ ту пору, выслушавъ ихъ, оное сдѣлать». Но впослѣдствіи измѣнившееся положеніе дѣлъ отклонило Правительство отъ видовъ на сіи области, обративши ихъ на другую сторону, гораздо болѣе привлекавшую вниманіе Россіи. Это былъ Крымъ съ его татарскимъ населеніемъ.

Татары.

Первоначальная политика Русскихъ въ отношеніи къ Крымскимъ Татарамъ состояла въ томъ, чтобы возбуждать и склонять ихъ не къ Русскому подданству, а только къ независимости и отложенію отъ турецкой власти. Совѣтъ разсуждалъ, что «Крымскіе и другіе подъ властію ихъ хана находящіеся Татары, по ихъ свойству и положенію, никогда не будутъ полезными поддан-

ными Ея Императорскаго Величества, и по первому никакія съ нихъ порядочныя подати собираемы быть не могутъ, а по второму и къ оборонѣ границъ Ея служить не будутъ: ибо съ той стороны не будетъ уже никакого сосѣда, который бы покусился нападать на Россійскія границы, и напротивъ того такимъ безпосредственнымъ себѣ подданствомъ Россія возбудитъ противъ себя общую и небезосновательную завистъ и подозрѣніе о безпредѣльномъ намѣреніи умноженія своихъ областей; что отъ сего однакожъ предостерегаться благоразуміе научаетъ, а особливо тутъ, гдѣ никакой знатной и существенной пользы обѣщать себѣ не возможно, ибо татарскіе народы суть такого свойства, что они за одно имя подданства считаютъ имѣть право всего требовать въ свою одну пользу, въ чемъ ихъ и самое съ Турками единовѣріе не ограничиваетъ; услуги же свои и пользу для другихъ въ томъ только поставляютъ, что живутъ спокойно и не разбойничаютъ; что какъ мало для Россіи пользы изъ подданства сего полуострова и съ принадлежащими ему другими татарскими ордами, такъ, напротивъ того, велико и знатно быть можетъ приращеніе силамъ и могуществу Россійскимъ, если они отторгнутся отъ власти турецкой и оставлены будутъ навсегда собою въ независимости, ибо единымъ уже сего средствомъ возможно, такъ сказать, что Оттоманская Порта, въ разсужденіи безпосредственно самой Россіи, ея границъ и сосѣдства, въ небытіе моральное претворится; что потому надлежитъ принять рѣшительную резолюцію не класть оружія, хотя бы то стоило излишней кампаніи, пока Порта не признаетъ торжественно въ своемъ съ нами мирномъ договорѣ независимою областію Крымъ съ принадлежащими къ нему Татарами». Въ этомъ смыслѣ поручено

было графу П. И. Панину вести негоціацію съ Татарами, располагая ихъ не къ подданству, а къ независимости (15-го марта 1770 г.). Вмѣстѣ съ этимъ поручено было ему домогаться и требовать, дабы они приняли нашъ гарнизонъ въ нѣкоторыя свои крѣпости и отдали бы намъ одну морскую гавань на крымскомъ берегу. Императрица прибавила къ этому: «не менѣе намъ необходимо нужно имѣть въ своихъ рукахъ проходъ изъ Азовскаго въ Черное море, и для того объ немъ домогаться надлежитъ» (15-го марта 1770 г.).

Послѣдствіемъ этой негоціаціи было то, что уже въ концѣ 1770 года отъ Порты отложились Буджакскіе и Эдисанскіе Татары, жившіе въ степяхъ нынѣшней Екатеринославской и Херсонской губерній: они перешли на новыя мѣста, указанныя имъ Русскимъ правительствомъ, именно на Кубанскую сторону около Азова. Кіевскому, малороссійскому и слободскому губернаторамъ предписано было оказывать имъ всякое вспоможеніе и принимать ихъ монету до будущаго установленія (8-го ноября 1770 г.). Депутаты этой орды допущены были на Высочайшую аудіенцію, «дабы показать тѣмъ, что они, низложа турецкое иго, сами требуютъ покровительства Ея Величества» (14-го февраля 1771 г.).

Затѣмъ дошла очередь до Крымскихъ Татаръ. Въ іюнѣ 1771 г. князь Долгоруковъ прошелъ Крымъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ концѣ іюля доносилъ о подписаніи Крымцами акта дружбы и о назначеніи ими посланцовъ въ С.-Петербургъ. Совѣтъ разсуждалъ, «что отторженіе Татаръ отъ Порты можетъ почесться самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, какого мы отъ сей войны ожидать имѣли; что Порта, если намѣрена возвратить потерю Крыма, не можетъ уже помышлять о томъ нынѣ» (25-го іюля 1771 г.).

Извѣстно, что это предуказаніе Совѣта сбылось: Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ Порта признала независимость Татаръ Крымскихъ, Буджакскихъ и Кубанскихъ.

Предложенія о мирѣ.

Но эти пріобрѣтенія и побѣды доставались Россіи не даромъ. Три года непрерывной войны, напряженія, при неизвѣстности будущаго, которое могло угрожать еще худшимъ положеніемъ дѣлъ, приводили государство въ изнеможеніе. Поэтому Совѣтъ охотно принималъ посредничество иностранныхъ дворовъ, предлагавшихъ свои услуги къ примиренію Россіи съ Турціею. Совѣтъ соглашался даже на нѣкоторыя уступки изъ того, что уже пріобрѣтено нашимъ оружіемъ; но Императрица писала, что «если при мирномъ соглашеніи не будетъ одержана независимость Татаръ, ни кораблеплаваніе по Черному морю, ни крѣпости въ проливѣ изъ Азовскаго въ Черное море, то со всѣми побѣдами не выиграли мы ничего, и что такой миръ будетъ въ разсужденіи обстоятельствъ столь же постыденъ, какъ Прутскій и Бѣлградскій» (25-го октября 1772 г.). Турція соглашалась уступить Россіи только торговое мореплаваніе на Черномъ морѣ. Императрица по этому поводу написала, что «кораблеплаваніе на Черномъ морѣ Россія требуетъ свободное, что по толь славной войнѣ, какову имѣли мы съ Турками, было бы предосудительно Имперіи и собственной Ея славѣ сносить ихъ предписанія» (3-го января 1773 г.). Напрасно Совѣтъ представлялъ, что лучше согласиться на ограниченное кораблеплаваніе, нежели допустить Турокъ «опять въ Крыму вкорениться», что имѣя торговыя суда можемъ всегда въ случаѣ надобности обращать ихъ въ военныя, что и съ сими предѣлами миръ намъ славенъ и полезенъ будетъ, и что

весьма прискорбно было бъ, если бъ сіе только могло еще разорвать негоціацію и возобновить войну, а особливо въ такое время, когда мы находимся въ критическомъ съ Швеціею состояніи. Императрица отвѣчала, что «опасаясь Шведовъ, сомнѣваемся мы о собственныхъ своихъ силахъ, и что Она не согласится на перемѣну своего о кораблеплаваніи соизволенія, пока Совѣтъ не представитъ иныхъ причинъ, болѣе къ тому побуждающихъ» (3-го января 1773 г.).

Однако Императрица, хотя не изъявляла согласія на уступки, но не оставляла также безъ вниманія тягостей, причиняемыхъ продолженіемъ войны, и выражала желаніе о скорѣйшемъ достиженіи мира. Взглядъ Ея подробно высказанъ въ предложеніи Совѣту 19 августа 1773 г., по поводу приготовленій къ кампаніи 1774 года. «Требуете вы отъ Меня рекрутовъ для комплектованія арміи»—писала Императрица. «Отъ 1767 г. сей наборъ будетъ, по крайней мѣрѣ, и сколько Моя память Мнѣ служитъ, шестой. Во всѣхъ наборахъ близъ трехъ сотъ тысячъ человѣкъ рекрутъ собрано со всей Имперіи. Въ томъ Я съ вами согласно думаю, что нужная оборона государства того требуетъ. Но, со сжиманіемъ сердца по человѣколюбію, наборъ таковой всякій разъ подписываю, видя наипаче, что оные для пресѣченія войны по сю сторону безплодны были, хотя мы непріятелю нанесли много ущерба и сами людей довольнаго числа лишились. Изъ сего естественно родиться можетъ два вопроса, которые Я себѣ и вамъ сдѣлаю: первый — такъ ли мы употребляли сихъ людей, чтобъ желаемый всѣмъ миръ могъ приближиться? Второй: послѣ сего набора что̀ вы намѣрены предпринимать къ славѣ Имперіи, которую ни въ чемъ иномъ не ставлю, какъ въ пользѣ ея? Оставляя

говорить о прошедшихъ лаврами увѣнчанныхъ кампаніяхъ, кои непріятеля принудили къ мирнымъ переговорамъ, въ отвѣтъ на первый сдѣланный Мною вопросъ скажу о настоящемъ положеніи дѣлъ, что, къ сожалѣнію Моему, вижу Я, что сія кампанія повсюду безплодно кончится, или уже и кончилась, и осталось намъ помышлять, не теряя времени, о будущемъ. Дабы очистить второй Мною сдѣланный вопросъ, Я повторяю, чтобъ, не теряя времени помышлять о томъ, что̀ въ предбудущую кампанію предпринимать намъ за нужно почтено будетъ, развѣ за полезно почтете, чтобъ сухопутныя и морскія наши противъ непріятеля силы остались точно въ томъ положеніи, въ какомъ нынѣ находятся: положеніе не дѣйствующее, которое Я за полезное для приближенія желаемаго нами мира не почитаю, и которое, по Моему мнѣнію, намъ скорѣе вторую сзади войну нанесетъ, нежели настоящую прекратитъ. Изъ рекрутскаго, Мнѣ предлагаемаго вами, набора заключаю Я, что вы упражняетеся снабженіемъ арміи. Напомнить Я за нужно вамъ нахожу, дабы вы Азовскаго моря эскадру изъ памяти не выпускали и оную по возможности привели въ наиудобнѣйшее для дѣлъ состояніе. Что же касается до флота въ Архипелагѣ, о томъ вамъ нынѣ предложены будутъ реляціи, съ двумя курьерами полученныя. Но наипаче васъ прошу и вамъ повелѣваю, со всякою ревностію и усердіемъ стараться, единодушно сдѣлавъ планъ, снабдить къ будущей кампаніи всѣхъ разныхъ командующихъ силами нашими такими постановленіями, дабы они вообще нашлись въ состояніи дѣйствовать противъ общаго непріятеля, и наши употребленныя къ тому силы къ одному бы предмету ведены были, то есть къ достиженію блаженнаго мира, въ чемъ да поможетъ намъ

Всевышній. Еще разъ весьма васъ прошу, чтобъ все сіе не осталось при сихъ на бумагу написанныхъ словахъ» (19-го августа 1773 г. ч. II, стр. 23—24).

Между тѣмъ Совѣтъ все настаивалъ на системѣ уступокъ и соглашенія.

Въ 1774 г., когда Вѣнскій дворъ снова предложилъ свое посредничество на условіяхъ возвращенія Туркамъ Керчи и Эникале и ограниченнаго кораблеплаванія, и графъ Н. И. Панинъ склонялъ принять эти условія, Совѣтъ, «познавая сущую государственную надобность скорѣйшаго возвращенія отечеству тишины и мира, приступилъ къ представленію графа Панина, яко къ послѣднему предѣлу, споспѣшествующему мирное дѣло». Одинъ только графъ Г. Г. Орловъ возразилъ, что предлагаемыя кондиціи не довольно удовлетворительны (10-го марта 1774 г.). Правительство уже начало было переговоры съ визиремъ, но побѣды Румянцева при Базарджикѣ, графа Салтыкова у Туртукая и Суворова у Козелджи, доставили Россіи не только желанный, но и славный миръ.

II. Польскія дѣла.

Одновременно съ первою турецкою войною и вызванными ею переговорами, вниманіе Русскаго Кабинета было обращено на дѣла Польскаго королевства, гдѣ Русской политикѣ, совмѣстно съ Австріею и Пруссіею, суждено было достигнуть результатовъ первостепенной важности. Протоколы Совѣта заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя по этому предмету, которыхъ изслѣдователь послѣдней судьбы Польши не можетъ оставить безъ вниманія.

Положеніе дѣлъ и Русская политика въ Польшѣ.

1) При князѣ Н. В. Репнинѣ.

Съ 1764 года, когда на Польскій престолъ возведенъ былъ Русскою Императрицею Станиславъ Августъ Понятовскій, вліяніе Россіи въ Польшѣ казалось упроченнымъ; но вскорѣ совѣты Черторыйскихъ, дядей Понятовскаго, увлекли короля на сторону политики, враждебной Россіи. При такихъ обстоятельствахъ, Русскому послу въ Варшавѣ, князю Н. В. Репнину, удалось составить генеральную конфедерацію изъ лицъ, преданныхъ Россіи. Въ главѣ ихъ стоялъ князь Карлъ Радзивиллъ. Конфедерація приняла во всей силѣ требуемыя Россіею прерогативы (генеральное поручительство и уравненіе православныхъ съ католиками въ гражданскихъ правахъ) и отправила въ этомъ смыслѣ грамоту къ Императрицѣ. Сеймъ 1767 года сначала, подъ вліяніемъ краковскаго епископа Солтыка, отказался было признать эти прерогативы, но въ составившейся послѣ того Сеймовой Коммисіи для окончательнаго рѣшенія дѣла о возстановленія гражданскихъ правъ диссидентовъ, которыхъ добивалась Россія, эти права были признаны и утверждены республикою ($^{13}/_{24}$ февраля 1768 г.). Вслѣдствіе этого русскія войска вышли изъ Варшавы. Но злоба и религіозный фанатизмъ Поляковъ снова повергли диссидентское дѣло и вообще Польскій вопросъ въ борьбу случайностей. Въ Польшѣ снова начались волненія, безпорядки, оскорбленія православныхъ и враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Репнину предписано было принять мѣры противъ возстанія, разлившагося по всей Польшѣ. Между тѣмъ началась турецкая война и отвлекла русскія силы. Россія не могла объявить Польшѣ войну, довольствуясь преслѣдованіемъ конфедератовъ, какъ враговъ республики. Настойчивость Репнина, при недостаточной матеріальной силѣ, могла только повредить дѣлу и отдать Польшу въ руки перваго

напросившагося союзника. Въ виду этого въ концѣ 1768 года, Репнинъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ посломъ князь М. Н. Волконскій.

2, При князѣ М. Н. Волконскомъ.

Предъ назначеніемъ новаго посла въ Варшаву, въ самомъ началѣ турецкой войны, «графъ Г. Г. Орловъ спрашивалъ въ Совѣтѣ изъясненія причинъ, какія привели Польшу возстать противъ Россіи. Графъ Н. И. Панинъ изъяснилъ всѣ эти причины и притомъ объяснялъ, какія изъ того вышли замѣшательства. Затѣмъ сдѣланъ былъ вопросъ, не можно ли изыскать какихъ нибудь средствъ для усмиренія и возстановленія покоя въ Польшѣ и для приведенія оной на сторону Россіи. Въ отвѣтъ на это графъ Н. И. Панинъ прочелъ декларацію, посланную въ Польшу проектомъ для возстановленія тишины». «По этому поводу,— сказано въ протоколѣ Совѣта,—происходили разныя политическія разсужденія» (14-го ноября 1768 г.). Это первое упоминаніе о Польшѣ въ протоколахъ Совѣта. Можетъ быть, въ связи съ этими разсужденіями, содержаніе которыхъ остается неизвѣстнымъ, и было назначеніе Волконскаго. Послѣ того въ Совѣтѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій, графъ Н. И. Панинъ читалъ инструкцію вновь назначенному послу.

Между тѣмъ Польша, предчувствуя грозу, обращалась за помощію то въ Парижъ, то въ Вѣну. Французскій министръ Шуазель взялъ конфедератовъ подъ свое покровительство. Въ январѣ 1770 года графъ Г. Г. Орловъ предлагалъ въ Совѣтѣ, «что возмущенія тамъ часъ отъ часу умножаются и что надлежитъ подумать, какія бы мѣры противъ того взять нужно было» (28-го января 1770 г.). Но война съ Турціей заняла Русскія силы и потому

послу предписано было поражать, гдѣ можно, мятежниковъ, поступая въ отношеніи къ королю съ умѣренностію. Въ февралѣ слѣдующаго 1771 г. графъ Орловъ снова сдѣлалъ предложеніе о Польшѣ, что «весьма бы полезно было, если бъ границу нашу съ Польшею составляли протекающія близъ оной рѣки». Въ Совѣтѣ, по поводу этого, опять «происходили многія политическія разсужденія, которыя генералъ-фельдцейхмейстеръ заключилъ обѣщаніемъ подать о томъ свое мнѣніе письменно» (7-го февраля 1771 г.). Мнѣнія этого однакожъ подано не было. Но, судя по послѣдующему, легко догадаться, что политика Русскаго двора въ Польшѣ вступала теперь въ новый фазисъ, которому не соотвѣтствовалъ князь Волконскій. Весной 1771 года онъ былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ Салдернъ—человѣкъ рѣшительнѣе даже Репнина.

3 При Салдернѣ.

Императрица объявила о его назначеніи въ Совѣтѣ 1 февраля 1771 года, приведя туда съ собою и Салдерна. Въ то же время читано «основаніе даваемой ему инструкціи, на трактатахъ 1686 и 1768 г. учиненное» (14-го февраля 1771 г.).

Акты соглашенія Россіи съ Пруссіею и Австріею по польскимъ дѣламъ и первый раздѣлъ Польши.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, послѣдовало въ Совѣтѣ разсужденіе о польскихъ дѣлахъ, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ первый раздѣлъ Польши.

Въ 1771 году 16 мая, Императрица присутствовала въ Совѣтѣ при разсужденіи о способахъ къ примиренію съ Турціею. По выходѣ Ея Величества, Графъ Н. И. Панинъ открылъ Совѣту, что «по случаю извѣстнаго уже предъявленнаго Вѣнскимъ дворомъ права на смежныя съ Венгріею староства и дѣйствительнаго ихъ

захваченія, король Прусскій отозвался здѣшнему двору въ довѣренности, что онъ не намѣренъ быть спокойнымъ зрителемъ такого завладѣнія польскихъ земель его сосѣдомъ; что имѣетъ и онъ также права на сосѣднія съ его владѣніями польскія земли и намѣренъ равномѣрно жъ присоединить ихъ; и чтобъ потому и Россія, если имѣетъ такія же требованія и хочетъ пользоваться симъ удобнымъ случаемъ, сдѣлала съ нимъ общее дѣло; что сіе представляетъ ему, графу Панину, такой случай, о которомъ всегда помышляли для исполненія всѣми желаемаго; что находимъ мы теперь удобность въ ограниченіи себя отъ Польши рѣками; что хотя Россія и не имѣетъ никакого права на Польскую Лифляндію, однако намѣренъ онъ вывесть права на оставленные въ Польшѣ десять заднѣпровскихъ полковъ и требовать возвращенія, а особливо, что Польша не исполнила своего за полученіе оныхъ обѣщанія; что негоцируя о семъ и согласясь на всегдашнюю уступку присвоенныхъ Австрійцами и нѣкоторыхъ изъ требуемыхъ Прусскимъ королемъ Польскихъ земель, исключая Гданскъ, можемъ мы получить Польскую Лифляндію и желаемое ограниченіе, а Польшѣ отдать, въ замѣнъ отбираемыхъ у нея земель, княжества Молдавское и Валахское; что интересовавъ симъ образомъ Вѣнскій и Берлинскій дворы, скорѣе можно будетъ заключить миръ съ Турками и успокоить польскія замѣшательства; что если Совѣтъ на все сіе согласенъ, будетъ онъ надъ тѣмъ трудиться и, отозвавшись нынѣ слегка австрійскому послу, князю Лобковицу, приготовитъ дворъ его къ сей негоціаціи; на что и согласились» (16-го мая 1771 г.).

Этимъ сообщеніемъ открывается рядъ извѣстій и документовъ, относящихся къ первому раздѣлу Польши.

Графъ Н. И. Панинъ сообщилъ обо всемъ, касающемся до предполагаемаго раздѣленія Польши, Салдерну. А между тѣмъ, по поводу усиленныхъ вооруженій Вѣнскаго двора, отозвался князю Лобковицу, «что великія двора его вооруженія не могутъ быть безъ намѣренія; что не видитъ онъ, однакожъ, противъ кого бы хотѣлъ онъ обратить свои силы; что если вооруженъ также и король Прусскій, онъ побуждаемъ къ сему имѣющимися съ нами обязательствами; что между тѣмъ Вѣнскій дворъ присоединилъ уже къ своимъ землямъ и нѣсколькія польскія староства; что, по сосѣдству нашему съ сею республикою, не можемъ мы оставить того безъ уваженія, и что онъ, по благоразумію и праводушію князя Кауница (австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ), надѣется, что не скроетъ отъ него прямыхъ своего двора намѣреній, дабы, согласясь напередъ между собою, могли они оба тѣмъ лучше пещись о пользѣ своихъ государей» (27-го іюня 1771 г.).

Вслѣдъ затѣмъ Прусскій король прислалъ «проектъ секретной конвенціи о взаимномъ удѣленіи польскихъ смежныхъ земель», намѣтивъ части, которыя должны отойти къ сторонѣ Пруссіи. Графъ Н. И. Панинъ составилъ «контръ-проектъ» сей конвенціи съ прибавленіемъ «секретнѣйшаго артикула», заключающаго въ себѣ «обязательство противъ Вѣнскаго двора на случай его въ томъ препятствія». Совѣтъ, разсмотрѣвъ эти бумаги, положилъ внесть въ эту конвенцію и предполагаемыя съ Русской стороны пріобрѣтенія. Въ то же время положено было, «чтобы отдѣляемый изъ второй арміи на польскія границы корпусъ занялъ, по приходѣ своемъ, всѣ присвояемыя сею конвенціею мѣста и не допускалъ мятежниковъ польскихъ за семь миль отъ оныхъ, и чтобъ предписано было посылаемому для охраненія нашихъ гра-

ницъ генералу охранять и всѣ оныя земли, какъ наши собственныя» (2-го августа 1771 г.).

6-го октября, Прусскій король сообщилъ о усиленіи своей арміи на случай войны, и за убытки по сему случаю требовалъ прибавки, къ предназначеннымъ ему польскимъ землямъ, Гданска (Данцига) съ его принадлежностями. Вмѣстѣ съ тѣмъ препроводилъ онъ «разсужденія, служащія отвѣтомъ на посланный отъ насъ контръ - проектъ». Сущность этихъ «разсужденій» состояла въ томъ, что, въ польскомъ дѣлѣ и замѣшательствахъ по этому поводу со стороны Австріи, онъ не обязанъ былъ бы помогать намъ, такъ какъ трактатъ нашъ съ нимъ къ тому не относится, но что по дружбѣ онъ будетъ помогать намъ и въ семъ случаѣ; приэтомъ онъ возобновилъ свое требованіе на счетъ Гданска съ принадлежностями, предлагая и намъ «усугубить еще наши пріобрѣтенія въ Польшѣ, сколько разсудимъ». При чтеніи означенныхъ разсужденій графъ Н. И. Панинъ изъяснился, что «какъ собственная наша польза не дозволяетъ поступить на отдачу Гданска, то думаетъ онъ предложить королю Прусскому, чтобъ онъ, въ случаѣ войны съ Вѣнскимъ дворомъ, вознаградилъ свои убытки присоединеніемъ его земель, и что мы гарантируемъ ему оныя» (6-го октября 1771 г.).

Видя неуступчивость Русскаго двора по дѣлу Гданска, Прусскій король сообщилъ, что онъ отступаетъ отъ требованія этого города, что надобно однако признать оный вольнымъ и независимымъ отъ Польши. Но со стороны Россіи было положено употребить стараніе къ склоненію Прусскаго короля, чтобъ Гданскъ оставленъ былъ подъ покровительствомъ республики Польской.

Вышеприведенная негоціація сначала велась только между

Россіею и Пруссіею, при увеличившейся холодности къ Вѣнскому двору, вслѣдствіе явной поддержки имъ Оттоманской Порты, съ которою мы находились тогда въ войнѣ. Прусскій король предлагалъ даже осуществить предположенный раздѣлъ польскихъ земель, не сообщая о томъ Вѣнскому двору, «потому что онъ самъ не сообща присвоилъ себѣ такія же польскія земли». Но Совѣтъ въ то же засѣданіе, когда было читано это предложеніе (22-го ноября 1771 г.), положилъ отправить письмо къ нашему министру князю Голицыну, въ Вѣну, съ изъясненіемъ, что если Вѣнскій дворъ представляетъ право на занятыя имъ польскія земли и намѣренъ удержать ихъ, то равномѣрно же и мы, какъ и союзникъ нашъ, король Прусскій, можемъ сыскать такія же права на земли той республики (22-го ноября 1771 г.). Поставленный въ извѣстность о негоціаціи по польскимъ дѣламъ, Вѣнскій дворъ прислалъ изъясненіе свое по этому предмету, названное «запискою разговора между княземъ Голицынымъ и княземъ Кауницемъ», сущность котораго состояла въ томъ, что Вѣнскій дворъ съ удовольствіемъ увѣдомился о соглашеніи Ея Величества на возвращеніе Туркамъ Молдавіи и Валахіи; что хотя онъ и не желалъ бы, чтобъ Польша раздѣлена была, но по причинѣ учиненнаго уже между Ея Величествомъ и королемъ Прусскимъ о семъ соглашенія, приступаетъ и онъ къ тому, и въ семъ намѣреніи требуетъ отъ реченнаго государя дружескаго о томъ сообщенія, дабы сходственно съ тѣмъ могъ опредѣлить свое пріобрѣтеніе; что со всѣмъ тѣмъ хотѣлъ бы онъ имѣть такое пріобрѣтеніе лучше изъ турецкихъ, нежели изъ польскихъ земель, и что желаетъ онъ окончить сіе дѣло какъ можно скорѣе и утвердить его установленіемъ союза съ Ея Императорскимъ Величествомъ

и Берлинскимъ дворомъ» (1-го февраля 1772 г.). Вслѣдъ заэтимъ Вѣнскому двору сообщенъ планъ нашего съ королемъ Прусскимъ о Польшѣ соглашенія, и русскому министру въ Вѣнѣ поручено изъясниться съ нимъ, что̀ именно онъ получить желаетъ, увѣряя напередъ, что пріобрѣтенія его съ турецкой стороны равно почтены будутъ, какъ съ польской (9-го февраля 1772 г.).

Прежде чѣмъ полученъ былъ въ С.-Петербургѣ отвѣтъ отъ Вѣнскаго двора на это послѣднее сообщеніе, Прусскій король увѣдомилъ о бытности у него на аудіенціи вѣнскаго министра (Ванзвиттена) и объ изъявленіи желанія двора его обмѣнить тѣ земли, кои ему отъ Польши удѣлены быть имѣютъ, на графство Глацкое, или же получить вмѣсто того отъ Турціи Бѣлградъ и Сербію. Совѣтъ разсуждалъ по этому поводу, что «Вѣнскій дворъ, избѣгая получить равную часть въ Польшѣ, хочетъ обратить все за раздѣлъ ея негодованіе на насъ и на короля Прусскаго, и что для того самаго и нужно стараться привесть оный къ полученію тамъ равной части и слѣдовательно въ равное во всемъ соучаствованіе» (11-го февраля 1772 г.).

Неудовольствіе С.-Петербургскаго и Берлинскаго дворовъ по поводу этого заявленія не могло быть не примѣчено Вѣнскимъ дворомъ, такъ что, въ оправданіе себя, онъ сообщилъ нашему министру въ Вѣнѣ, «что Ванзвиттенъ (въ разговорѣ съ Прусскимъ королемъ) отзывался о графствѣ Глацкомъ самъ собою и безъ повелѣнія, также что Бѣлградъ и часть Сербіи и Босніи получить можно отъ Турціи въ замѣну завоеванныхъ нами земель, и уступить потомъ двору его, и что онъ отправилъ къ королю Прусскому о равномъ удѣлѣ Прусскихъ земель декларацію,

которая будетъ служить основаніемъ конвенціи его съ нами и съ симъ государемъ».

Около половины марта, Вѣнскій дворъ, разсмотрѣвъ препровожденный къ нему планъ нашего соглашенія съ Прусскимъ дворомъ о Польшѣ, объявилъ, что приступаетъ къ нему (17-го марта 1772 г.).

26 апрѣля графъ Н. И. Панинъ читалъ въ Совѣтѣ «проектъ манифеста», заготовленнаго для врученія въ Варшавѣ русскимъ, прусскимъ и вѣнскимъ министрами о присоединяемыхъ польскихъ земляхъ (26-го апрѣля 1772 г.).

14 мая графъ Панинъ читалъ въ Совѣтѣ «проектъ конвенціи о польскихъ земляхъ съ Вѣнскимъ дворомъ» и изъяснился, что Римскій императоръ никогда не соглашается на употребляемую другими государями въ трактатахъ и конвенціяхъ альтернативу титуловъ и подписей; что какъ со времени признанія симъ государемъ Россійскихъ Самодержцевъ въ императорскомъ достоинствѣ не было ничего съ нимъ трактовано, а до сего писался онъ прежде ихъ, то для избѣжанія такого затрудненія написалъ онъ (графъ Панинъ) сей проектъ такимъ образомъ, чтобъ каждый уполномоченный, изъясня общія причины и опредѣля свои въ Польшѣ пріобрѣтенія, гарантировалъ только пріобрѣтенія другаго и подписалъ конвенцію одинъ, для размѣна на подобную жъ, другимъ уполномоченнымъ учиненную; что онъ изъяснялся уже о томъ и съ княземъ Лобковицемъ, и что, по словамъ графа Солмса, такое жъ средство употреблено было и при замиреніи Римскаго императора съ королемъ, его государемъ.

По разсмотрѣніи сообщенной Вѣнскимъ дворомъ декларацій, которую онъ намѣренъ былъ обнародовать въ Варшавѣ, она

найдена сходною съ нашею и берлинскою, а потому и положено «вручить въ Варшавѣ декларацію равнаго отъ всѣхъ трехъ дворовъ содержанія, для показанія настоящаго у нашего и Берлинскаго двора съ Вѣнскимъ единомыслія и отнятія тѣмъ у ненавистниковъ нашихъ всякаго случая вредить намъ» (2-го августа 1772 г.).

Наконецъ, рескриптомъ на имя графа Чернышева рѣшено было вступить во владѣніе присоединяемыхъ отъ Польши земель (Бѣлоруссіи) между 1 и 7 будущаго сентября, и апробованъ «плакатъ», который сей генералъ, какъ генералъ-губернаторъ оныхъ, въ нихъ обнародовать имѣетъ (13-го августа 1772 г.).

Князю Голицыну поручено было привѣтствовать Императора и Императрицу—Королеву, по случаю оконченной о раздробленіи Польши негоціаціи и исходатайствовать знакъ удовольствія находящемуся здѣсь вѣнскому министру (13-го сентября 1772 г.), вслѣдствіе чего Лобковицъ и былъ пожалованъ кавалеромъ Золотаго-Руна (18-го октября 1772 г.).

Польскій дворъ протестовалъ противъ раздробленія Польши и вручилъ иностраннымъ министрамъ о томъ записку (22-го сентября 1772 г.). Но дворы Французскій и Англійскій, по объявленіи имъ деклараціи о раздѣлѣ Польши, приняли ее, какъ дѣло рѣшенное. Изъ читанныхъ въ Совѣтѣ депешъ видно, что дюкъ д'Егильонъ въ Парижѣ «ничего не сказалъ», при врученіи ему нашей деклараціи о Польшѣ; въ Лондонѣ же графъ Суфолкъ прямо объявилъ, что «дворъ его мѣшаться въ то не намѣренъ» (25-го октября 1772 года).

III. Внутреннія событія во время первой турецкой войны.

Изъ внутреннихъ событій, заботившихъ правительство во время первой турецкой войны и перваго раздѣла Польши, особенно важными представляются: моровая язва и бунтъ Пугачева.

Моровая язва.

Свирѣпствовавшая, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи моровая язва памятна и доселѣ въ народѣ подъ именемъ чумы. Изъ протоколовъ Совѣта видно, какъ сильно эта болѣзнь озабочивала правительство, и какія мѣры оно принимало, чтобы ослабить ея губительное дѣйствіе и остановить ея распространеніе.

Въ сентябрѣ 1770 г. пришло въ С.-Петербургъ первое извѣстіе о появившемся въ предмѣстіи Кіева моровомъ повѣтріи. Въ октябрѣ получены такія же свѣдѣнія о показавшейся заразительной болѣзни въ Польшѣ. Въ ноябрѣ опасная болѣзнь показалась въ Сѣвскѣ, а въ декабрѣ проникла и въ Москву, куда занесли ее греки, пріѣхавшіе безъ выдержанія карантина. Совѣтъ положилъ публиковать манифестомъ о распространившейся болѣзни, съ увѣщаніемъ, чтобы каждый вѣрный подданный и сынъ отечества принималъ противъ сего зла осторожности, и съ указаніемъ въ этомъ манифестѣ нѣкоторыхъ главныхъ правилъ о недопущеніи и пресѣченіи заразы (30-го декабря 1770 г.). Съ С.-Петербургомъ прекращено отовсюду прямое сообщеніе. Курьеры изъ арміи, доѣхавъ до границъ, должны были передавать депеши другимъ курьерамъ.

Въ январѣ 1771 г. заразительная болѣзнь начала уменьшаться въ Москвѣ. Но въ слѣдующемъ же мартѣ мѣсяцѣ снова показалась на суконномъ дворѣ. Главный командиръ Москвы, гене-

ралъ-фельдмаршалъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, по старости, не могъ принять необходимыхъ дѣятельныхъ мѣръ въ виду наступившаго зла, а потому въ Совѣтѣ предлагали поручить охраненіе Москвы кому либо другому, снабдивъ его полною мочью; но нѣкоторые члены Совѣта, находя это предосудительнымъ главному въ столицѣ командиру, предлагали употребить къ тому, подъ его наблюденіемъ, тамошняго полиціймейстера, съ нѣсколькими совѣтниками, которые бы объ этомъ единственно имѣли попеченіе (21-го марта 1771 года). Изъ С.-Петербурга посланъ былъ приказъ оцѣпить Москву карантинами. Московскому и сосѣднимъ архіереямъ приказано отправлять молебны о спасеніи отъ прилипчивой болѣзни, дабы народъ чрезъ то наипаче остерегался опасности.

Для охраненія С.-Петербурга, Совѣтъ предлагалъ назначить такую особу, которая, независимо отъ данныхъ предписаній, въ состояніи была бы своею расторопностію употребить все то, что только возможно будетъ къ предостереженію и надлежащему исполненію, прикомандировавъ въ распоряженіе ея надлежащее число медицинскихъ особъ. Императрица назначила для сего новгородскаго и тверскаго губернатора, графа Якова Александровича Брюса, а въ Москвѣ особливое за всѣмъ наблюденіе поручила генералъ-поручику Петру Дмитріевичу Еропкину. Призванный въ Совѣтъ докторъ Ореусъ объявилъ, что онъ, по долгу и званію своему, признаетъ ту болѣзнь заразительною; московскій же губернаторъ объяснилъ, что тамошніе медики между собою въ томъ несогласны (28 марта—4 апрѣля 1771 г.).

Въ маѣ опять стали приходить успокоительныя извѣстія изъ Москвы, что прилипчивыя болѣзни не оказываются болѣе.

Совѣтъ уже предлагалъ обнародовать объ этомъ въ вѣдомостяхъ и отмѣнить принятыя тамъ предосторожности, но Императрица не выразила на это соизволенія (2 мая).

Въ іюнѣ донесенія изъ Москвы были еще успокоительнѣе— что нѣтъ ни больныхъ, ни умершихъ заразительною болѣзнью (6 іюня). Но въ концѣ этого мѣсяца болѣзнь снова показалась и смертность стала быстро возрастать, такъ что съ 25 человѣкъ дошла до 300, 500 и наконецъ до 900 въ день.

19 сентября 1771 г., читана была въ Совѣтѣ реляція графа Салтыкова, что въ Москвѣ умираетъ болѣе 800 человѣкъ въ сутки, что оттуда всѣ разбѣжались и съѣстное съ нуждою доставать можно, и что генералъ Еропкинъ желаетъ получить увольненіе отъ возложенной на него должности, и самъ онъ (Салтыковъ) проситъ позволить и ему отлучиться до зимы. Совѣтъ разсудилъ: «генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, по его желанію и въ разсужденіи его старости, отпустить изъ Москвы на все время опасности»; но Еропкина, такъ какъ онъ самъ не просилъ объ увольненіи, оставить. Совѣтъ почелъ только нужнымъ испросить у Ея Императорскаго Величества письмо къ нему, которое бы могло его ободрить и умножить еще болѣе данную ему власть. Между тѣмъ Императрица рѣшилась послать въ Москву довѣренную особу, которая бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить этотъ городъ отъ совершенной погибели (19-го сентября 1771 г.). По избранію Императрицы, отправленъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ (Г. Г. Орловъ), снабженный для того полною мочью (21 сентября).

16 сентября совершилось въ Москвѣ страшное преступленіе— убійство московскаго архіепископа Амвросія разъярившеюся

чернью. Императрица, прибывъ въ Совѣтъ, повелѣла, «чтобъ зачинщики бывшаго возмущенія и архіерейскіе убійцы наказаны были по законамъ, и всѣ тѣ, кои по слѣдствію окажутся участниками того возмущенія, записаны были въ солдаты». Въ томъ же засѣданіи Государыня изъявила неудовольствіе, что сенаторы и другіе присутствующіе безъ позволенія изъ Москвы разъѣхались, и повелѣла, чтобъ они немедленно туда созваны были.

Прибывъ въ Москву, генералъ-фельдцейхмейстеръ прислалъ реляцію объ отчаянномъ состояніи тамошнихъ жителей. Но съ пріѣзда его число умирающихъ въ Москвѣ стало нѣсколько уменьшаться (3 октября). 31 октября Императрица «изволила изъяснять въ Совѣтѣ, что опасная болѣзнь знатно начала умаляться въ Москвѣ и чаятельно вскорѣ вовсе прекратится; что со всѣмъ тѣмъ, дабы больше прежняго было о той столицѣ попеченія, соизволяетъ поручить оную другой особѣ, въ разсужденіи, что со всею довѣренностію, кою имѣетъ Ея Величество къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, не можетъ однакожъ, по его старости, довольно въ томъ на него положиться; что Она думаетъ сдѣлать это во время бытности тамъ генералъ-фельдцейхмейстера, дабы могли при немъ еще привыкнуть сей особѣ повиноваться, и дабы также приведена она была въ состояніе слѣдовать сдѣланнымъ тамъ учрежденіямъ; что не полагая потому нужды пребыванія въ Москвѣ его, генералъ-фельдцейхмейстера, который уже сдѣлалъ все, что должно было истинному сыну отечества, изволитъ вскорѣ оттуда возвратить».

Вслѣдствіе того, главнокомандующимъ въ Москву назначенъ, бывшій предъ тѣмъ полномочнымъ посломъ въ Варшавѣ, князь

Михаилъ Никитичъ Волконскій, который и снабженъ наказомъ о совершенномъ искорененіи въ столицѣ язвы и о учрежденіи въ ней потребнаго порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Еропкинъ уволенъ отъ дѣлъ по возложенному на него порученію. Признательность къ нему Императрицы выразилась въ похвальномъ рескриптѣ за укрощеніе возмущенія и въ пожалованіи его кавалеромъ Св. Андрея. Рескриптъ ему былъ слушанъ и апробованъ въ Совѣтѣ 5 ноября.

Возвратившись изъ Москвы, генералъ-фельдцейхмейстеръ представилъ Совѣту, «что онъ нашелъ ее въ отчаянномъ состояніи, хотя къ истребленію заразы приняты были тамошними начальниками достаточныя мѣры; что попущеніе частныхъ смотрителей и грабежъ въ зараженныхъ домахъ ихъ подчиненныхъ были главною причиною распространенія смертной болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и послѣдовавшаго смятенія; что вольность и небреженіе, а потомъ и отчаяніе самихъ жителей умножили оную еще болѣе; что хотя изданныя имъ постановленія и словесныя увѣщанія весьма много подѣйствовали, но что со всѣмъ тѣмъ пріемлемыя тамъ мѣры къ искорененію сего зла и отвращенію его на будущее время будутъ оставаться тщетными, пока сами жители не почувствуютъ нужду исполненія предписанныхъ осторожностей; что заразилось въ городѣ болѣе 5000 домовъ, а 1700 совсѣмъ опустѣли; что умерло тамъ сначала язвы по ноябрь мѣсяцъ 50.000 человѣкъ; что теперь большая часть зараженныхъ выздоравливаетъ; что въ больницахъ и карантинахъ они всегда содержимы были хорошо» (5-го декабря 1771 г.).

Бунтъ Пугачева.

Въ протоколахъ Совѣта конечно нельзя искать полнаго изложенія дѣла о Пугачевѣ; но тѣмъ неменѣе можно извлечь изъ нихъ свѣдѣнія, характеризующія важнѣйшіе моменты пугачевскаго возстанія.

Въ первый разъ «о возмущеніи, принявшимъ имя покойнаго Императора Петра III, бѣглымъ донскимъ казакомъ Пугачевымъ Илецкихъ селеній» и о принятыхъ противъ него мѣрахъ, объявлено было въ Совѣтѣ, въ присутствіи Императрицы, президентомъ Военной коллегіи, графомъ Чернышевымъ, 15 октября 1773 г.—Ея Величество изволила спрашивать, достаточны ли учиненныя на первый случай распоряженія, и повелѣла, чтобъ для отвлеченія народа отъ сего возмутителя скорѣе заготовленъ, напечатанъ и въ тамошнихъ мѣстахъ, чрезъ посланнаго въ оныя генералъ-маіора Кара, обнародованъ былъ манифестъ. Совѣтъ призналъ принятыя мѣры достаточными и разсуждалъ, что «сіе возмущеніе не можетъ имѣть слѣдствій, кромѣ что разстроитъ рекрутскій наборъ и умножитъ ослушниковъ и разбойниковъ; что возмутители не могутъ овладѣть Оренбургомъ, если внутри того города измѣны не будетъ, и что чаятельно пойдутъ они отъ Оренбурга не къ Казани, какъ тамъ опасаются, но къ Дону, гдѣ, можетъ быть, надѣются усилить свое общество». Графъ Н. И. Панинъ изъяснился, что «если бы атаманъ (Донскихъ Казаковъ, недавно предъ тѣмъ взволновавшихся) Ефремовъ въ пору схваченъ не былъ, мы имѣли бы всю Кубань на плечахъ, и что сей мятежъ не что иное, какъ искра тогдашняго». Въ виду разсѣеваемыхъ злодѣемъ манифестовъ положено было подтвердить сенатскими указами, чтобъ никто письменнымъ обнародованіямъ не вѣрилъ, а на Дону умножить число войскъ. Велѣдъ

засимъ положено было манифестомъ объявить прощеніе шатающимся по берегу Каспійскаго моря донскимъ и яицкимъ казакамъ, и всѣмъ военнымъ, въ бѣгахъ находящимся (17-го октября 1773 г.). Приходящія свѣдѣнія извѣщали, что злодѣй взялъ Илецкій городокъ, призывалъ на помощь Киргизскаго Нурали-хана, но не нашелъ въ немъ сочувствія (21-го октября 1773 г.), разбилъ высланнаго противъ него бригадира Билова и двукратно нападалъ на Оренбургъ. Каръ, увидѣвъ, по прибытіи на мѣсто, положеніе дѣлъ, поручилъ команду генералъ-маіору Фрейману и отправился было въ Петербургъ для словесныхъ обо всемъ донесеній, но на встрѣчу ему посланъ былъ приказъ возвратиться назадъ. Въ то же время рѣшено было послать туда какъ можно болѣе войскъ и отправить именитаго генерала (18-го ноября 1773 г.). Выборъ Императрицы упалъ на генерала Бибикова, который снабженъ былъ полною властью въ способахъ укрощенія мятежа и открытымъ указомъ ко всѣмъ духовнымъ и гражданскимъ правителямъ.

При отправленіи Бибикова, ему врученъ былъ манифестъ, который онъ, по пріѣздѣ своемъ въ тотъ край, долженъ былъ обнародовать. Во время чтенія проекта манифеста въ Совѣтѣ, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Чернышевъ и генералъ-фельдцейхмейстеръ (графъ Орловъ) представляли, «что имъ кажется много, чтобъ сіе возмущеніе уподоблено было древнему нашему междоусобію и Пугачевъ—Гришкѣ-Разстригѣ, потому что тогда все государство было въ смятеніи, а нынѣ одна только чернь, да и то въ одномъ мѣстѣ, и что такое сравненіе можетъ привесть на память столь непріятное происшествіе и возгордить также мятежниковъ». Государыня отозвалась на то, что Ей пришло

на мысль велѣть сдѣлать такое уподобленіе, дабы болѣе возбудить омерзеніе къ возмутителю, но что Она еще пересмотритъ манифестъ. Когда зачато было чтеніе заготовленнаго отъ имени генерала Бибикова объявленія, обѣщающаго награжденіе тѣмъ, кои доставятъ ему злодѣя Пугачева живаго или мертваго, Ея Императорское Величество изволила изъясниться, что Она не соизволяетъ, чтобъ такимъ награжденіемъ поданъ былъ поводъ къ убійству; что надобно потому обѣщать оное только за живаго, и что то объявленіе генералъ Бибиковъ можетъ сочинить самъ (28-го ноября 1773 г. . 9 декабря графъ Панинъ представлялъ, что о семъ возмущеніи безъ сомнѣнія извѣстно уже во всемъ государствѣ; что правленіе, скрывая его предъ народомъ, придаетъ ему болѣе важности, нежели имѣетъ оно въ самомъ дѣлѣ, и что посему, для отнятія всѣхъ вредныхъ мыслей и толковъ, слѣдовательно же и для удержанія сосѣднихъ мѣстъ въ спокойствіи, нужно, объявить о томъ манифестомъ во всей Имперіи, именовавъ мятежниковъ разбойничьими толпами, а Пугачева—воромъ и самозванцемъ. 16 декабря предположенный манифестъ прочитанъ и апробованъ Совѣтомъ.

Между тѣмъ съ Дона, отъ коменданта крѣпости Св. Дмитрія (Потапова), сообщено о сысканныхъ тамъ женѣ и дѣтяхъ самозванца Пугачева. Графъ Чернышевъ увѣдомилъ притомъ, что между находящимися въ С.-Петербургѣ донскими казаками нашелся также родной братъ Пугачева, и что онъ, хотя и призналъ его невиннымъ, велѣлъ однакожъ содержать подъ присмотромъ въ Военной коллегіи. Вмѣстѣ съ этими сообщеніями, Совѣту объявлено слѣдующее соизволеніе Ея Императорскаго Величества: «чтобъ положили на мѣрѣ, какимъ образомъ поступать

съ Пугачевымъ имѣніемъ, съ женою его, дѣтьми и братьями, и какъ сіи послѣдніе не въ бунтѣ, то справедливо ли будетъ ихъ арестовать, ибо и Петръ Великій часто говаривалъ: «братъ мой, а умъ свой». Какъ сіе положатъ на мѣрѣ, то чтобы означили, чрезъ какое правительство сіе производить въ дѣйствіе». Совѣтъ положилъ, что для возбужденія омерзенія къ Пугачеву злодѣянію, должно домъ его на Дону, если таковой найдется, или пустое мѣсто, гдѣ онъ живалъ, чрезъ палача раззоривъ, выжечь и посыпать солью; что сіе надобно учинить по командѣ и писать о томъ къ генералъ-маіору Потапову, а онъ поручитъ исполнить оное донской войсковой канцеляріи; что хотя жена, дѣти и братья Пугачева и невинны, взять ихъ подъ присмотръ требуетъ сама осторожность; что надлежитъ ихъ послать къ генералу Бибикову, дабы онъ, показывая ихъ тамъ всѣмъ, и самимъ плѣняемымъ мятежникамъ, и освобождая нѣсколько изъ сихъ послѣднихъ, могъ убѣдить тѣмъ заблуждаемыхъ о лжѣ и неистовствѣ сего злодѣя (7-го января 1774 г.).

Бибиковъ, прибывъ въ Казань, доносилъ о соединеніи Башкирцевъ съ возмутителями, о пресѣченіи сообщенія съ Сибирью и объ усердіи казанскаго дворянства, и просилъ о присылкѣ къ нему легкихъ войскъ (13-го января 1774 г.). Въ то же время доносили губернаторы: астраханскій—о злодѣйствахъ Киргизъ-Кайсаковъ и возмущеніи казаковъ въ Гурьевѣ городкѣ, а сибирскій—о распространившемся въ его губерніи колебаніи жителей и также о злыхъ умыслахъ Киргизъ-Кайсаковъ (3 января—20 марта 1774 г.). Наконецъ Бибиковъ прислалъ давно желаемую вѣсть о пораженіи самозванца близъ Сорочинской крѣпостцы, но жаловался на недѣятельность генералъ-поручика Деколонга. Импе-

ратрица предложила, вмѣсто послѣдняго, двухъ генераловъ: Суворова и Гроттенгельма. Но Совѣтъ изъяснился, что Суворовъ отъѣхалъ уже въ первую армію, а отправленіе отсюда Гроттенгельма подастъ поводъ къ толкамъ, и указалъ на находившихся въ Москвѣ генераловъ: Долгорукова и Нащокина (24-го марта 1774 г.). Отъ Бибикова между тѣмъ шли благопріятныя вѣсти одна за другою о пораженіи Пугачева и освобожденіи Оренбурга (14-го апрѣля 1774 г.); но вслѣдъ затѣмъ получено извѣстіе о смерти самого Бибикова. Присужденныя ему награды уже не застали его въ живыхъ; заготовленный же на имя его похвальный рескриптъ за пораженіе злодѣевъ положено переправить на имя главноучаствовавшаго въ семъ дѣлѣ молодаго и блестящаго генерала, князя Голицына. Оренбургу послана похвальная грамота за выдержаніе осады. Князь Щербатовъ, по старшинству, принялъ команду надъ войсками послѣ Бибикова (24-го апрѣля 1774 г.).

Счастливыя вѣсти еще продолжались нѣсколько времени. Князь Голицынъ доносилъ объ освобожденіи яицкаго коменданта Симонова отъ осады, о плѣненіи единомышленниковъ Пугачева (5-го мая 1774 г.) и пораженіи злодѣевъ въ Илецкой провинціи (8-го мая 1774 г.); астраханскій губернаторъ—о занятіи посланною командою Гурьева городка (26 мая); князь Щербатовъ—о пораженіи злодѣевъ въ Башкиріи и о пораженіи самого злодѣя генераломъ Деколонгомъ (16-го іюня 1774 г.).

Между тѣмъ вдругъ вѣсти перемѣнились. Казанскій губернаторъ доносилъ о направленіи злодѣевъ къ Казани. Положено было послать въ Москву, сверхъ снаряженныхъ туда, еще нѣсколько войскъ изъ находящихся въ сей сторонѣ; возбудить московское дворянство къ набору на своемъ иждивеніи конныхъ эскадроновъ

по примѣру казанскаго, и отправить въ Казань знаменитую особу, съ такою же полною мочью, какую имѣлъ покойный генералъ Бибиковъ. «Ея Императорское Величество изволила объявить въ Совѣтѣ намѣреніе Свое ѣхать въ Москву, дабы въ настоящихъ обстоятельствахъ сохранить тамъ тишину Своимъ присутствіемъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Панинъ и генералъ-фельдмаршалъ графъ Чернышевъ представили Ея Величеству, что такая поѣздка, увелича внѣ и внутри Имперіи опасность болѣе нежели есть она въ самомъ дѣлѣ, можетъ ободрить и умножить мятежниковъ и повредить также дѣламъ нашимъ при другихъ дворахъ» (21-го іюня 1774 г.).

Дальнѣйшія дѣйствія противъ Пугачева до самаго конца возстанія прошли помимо Совѣта, такъ что протоколы сообщаютъ лишь заключительный его моментъ.

18 декабря Ея Величество прислала въ Совѣтъ генералъ-маіора Потемкина для прочтенія проекта манифеста о окончаніи слѣдствія надъ злодѣемъ Пугачевымъ. При слушаніи сего манифеста, Совѣтъ полагалъ: «исключить изъ онаго: 1) употребленное въ началѣ слово «разумному», и написать просто «всему свѣту вѣдомо», потому что добродѣтели Ея Императорскаго Величества извѣстны всѣмъ вообще; 2) описаніе пороковъ частныхъ правителей, въ уваженіи, что такимъ общимъ выраженіемъ оказывается слабость всего правленія и оскорбляются невинные, и что въ случаѣ оставленія сего должно наименовать преступниковъ и наказать ихъ, или же простить, по волѣ Ея Императорскаго Величества; 3) все описаніе-жъ жизни и дѣлъ Пугачева, признавая, что такое повѣствованіе въ манифестѣ отъ лица Ея Императорскаго Величества не сходствуетъ съ Ея достоин-

ствомъ, по что можно приложить оное къ манифесту или же приговору сенатскому; и сверхъ того, 4) переправить еще написанное въ концѣ о даваемомъ Сенату повелѣніи учинить по сему дѣлу въ силу законовъ опредѣленіе и сентенцію такимъ, для отнятія всякаго сомнѣнія, образомъ, чтобъ Сенатъ учинилъ рѣшительное опредѣленіе и исполнилъ оное» (18-го декабря 1774 г.).

IV. Вторая турецкая война.

Послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата и подавленія пугачевскаго бунта, наступилъ періодъ мира, ознаменованный преимущественно внутренними преобразованіями, втеченіе котораго дѣятельность Совѣта по дѣламъ политическимъ почти прекращается. Она возобновляется съ 1787 года, т. е. со второй турецкой войны.

Недовольная Кайнарджійскимъ миромъ Порта, втеченіе двѣнадцати лѣтъ, направляла свои усилія къ тому, чтобы разрушить выгоды, пріобрѣтенныя въ нашу сторону этимъ миромъ. Наконецъ въ августѣ 1787 г., подстрекаемая Пруссіей и Англіей, она объявила Россіи войну, посадивъ посла ея въ семибашенный замокъ. Напрасно лордъ Кармартенъ завѣрялъ о дружественныхъ намѣреніяхъ своего правительства въ отношеніи къ Россіи. Совѣтъ не былъ разубѣжденъ его доводами и положилъ отвѣтствовать ему «взаимнымъ въ словахъ расположеніемъ, разумѣя впрочемъ оныя одною политическою уловкою, ибо слова ничего не стоятъ, когда дѣло уже сдѣлано» (25-го сентября 1787 г.). По поводу такихъ же завѣреній со стороны Прусскаго двора, Совѣтъ положилъ: «на такое собраніе словъ учтивыхъ отвѣтствовать взаимнымъ вѣжливымъ изъявленіемъ» (27-го сентября 1787 года).

Всѣ приготовленія къ этой войнѣ и распоряженія во время ея, всѣ военныя дѣла и политическія сношенія, укомплектованіе и продовольствіе войскъ, укрѣпленіе и оборона крѣпостей, вооруженія и дѣйствія флотовъ—все это проходило чрезъ обсужденіе Совѣта. Но особенно важными моментами въ ходѣ этой войны и въ относившихся къ ней разсужденіяхъ Совѣта были: вступленіе Россіи въ союзъ съ Римскимъ императоромъ, отклоненіе предлагаемаго Пруссіею посредничества къ примиренію насъ съ Турками и проектъ союза съ Бурбонскими дворами.

Вступленіе Россіи въ союзъ съ Римскимъ императоромъ.

Въ ноябрѣ 1787 г. Императрица сообщила Совѣту, подъ величайшею тайною, «полагая въ семъ случаѣ нескромность какъ сущую измѣну», союзный трактатъ съ императоромъ Римскимъ и «секретный артикулъ» онаго на случай войны турецкой. Въ семъ дѣяніи Совѣтъ видѣлъ великую прозорливость Монархини, какъ такомъ, которое обезпечиваетъ Россію противъ ея сильныхъ сосѣдей, и выразилъ увѣренность, что Императрица «всеконечно сохранитъ оный, яко твореніе Своего духа». Сообразно съ этимъ, Совѣтъ предначерталъ планъ военныхъ дѣйствій на сухомъ пути и на морѣ, не ограничиваясь одною обороною границъ, но простирая виды на отторженіе отъ Турціи нѣкоторыхъ ея областей. «Образъ таковъ—разсуждалъ Совѣтъ—приличенъ достоинству и силамъ Имперіи, какъ напротивъ того оборонительное положеніе державамъ слабымъ и изнемогающимъ свойственно, которыя защитить токмо себя, а не пріобрѣтать помышляютъ» (15-го ноября 1787 года).

Отклоненіе предлагаемаго Пруссіею посредничества въ примиреніи Россіи съ Турціею.

По успѣхамъ Россіи во все время войны, а особенно сначала ея, препятствовала враждебная политика Пруссіи. Совѣтъ очень ясно понималъ направленіе прусской политики и не скрывалъ своихъ мыслей, высказывая ихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Прусскій дворъ принималъ видъ благожелательности къ Россіи. Въ сентябрѣ 1788 года Пруссія, заключивъ союзъ съ Англіею и Голландіею и приглашая вступить въ оный и республику Польскую, предложила Россіи медіацію къ миру съ Швеціей и Турціей. Но Совѣтъ нашелъ въ предложеніяхъ короля Прусскаго «не слова, а вещи колкія». «Въ видѣ медіатора зрится возстающій нетерпимый повелитель не токмо на настоящія наши дѣла, но и на будущія, которыя Россія въ свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла. Соображая таковъ подвигъ во всѣхъ его слѣдствіяхъ, Совѣтъ весьма удаленъ согласиться на предлагаемую отъ короля Прусскаго настоящую медіацію, ибо податливость на оную предосудительна Имперіи Всероссійской и царствованію Ея Величества, чрезъ 27 лѣтъ военною славою сопровождаемому. Что̀ уничтожительнѣе оной крайности, какъ пріять великой Имперіи законъ отъ Прусскаго государя, котораго предложеніе въ существѣ своемъ оный назначаетъ? Всякое уваженіе къ нуждамъ и къ тягости новой войны при семъ размышленіи исчезаетъ. Въ отвѣтѣ пристойно упомянуть Прусскому королю, что самая его держава своимъ приращеніемъ обязана Россіи, и что еще въ свѣжей памяти помощь, сдѣланная его предмѣстнику выйдти съ честью изъ войны баварской» (18-го сентября 1788 г.).

Проектъ союза съ Бурбонскими дворами.

Такъ какъ за этимъ заявленіемъ ожидалась война съ Пруссіею, то положено было, въ виду ея, турецкую войну обратить изъ наступательной въ оборонительную. Въ виду устрояемой Прусскимъ дворомъ коалиціи, Совѣтъ разсуждалъ: «король Прусскій усилилъ себя союзниками, и намъ слѣдуетъ таковыхъ находить. Франція явила къ тому преклонность. Полезно теперь предложить оной, что мы готовы заключить съ нею и съ другими Бурбонскими дворами союзъ, съ тѣмъ однакоже, что ежели бы которая держава по дѣламъ шведскимъ объявила войну, или войсками и флотомъ помогать Швеціи стала, они примутъ оную за casus foederis. Достигнувъ сего союза бодрствовать мы можемъ противъ Англіи, когда бы она вооружилась своимъ флотомъ, имѣя нашему отъ Франціи усиліе и помощь; король же Прусскій, познавъ наше ополченіе, готовое противустать его замысламъ, можетъ быть, въ оныхъ и остановится. Впрочемъ ни унывать, ни бояться не должно. Россія безъ всякаго напряженія имѣетъ 300.000 боеваго войска. Сіи силы всегда велики, хотя бы умножились враги. Не вознеслося ни одно государство, доколѣ не низвергло своихъ противуборниковъ». Впрочемъ въ Совѣтѣ не образовалось единодушія на счетъ союза съ Бурбонскими дворами. Графъ А. П. Шуваловъ заявилъ, что онъ не согласенъ ни на означенный отвѣтъ двору Берлинскому, ни на составленіе связи съ Франціею (18-го сентября 1788 г.). Кромѣ графа Шувалова и нѣкоторые другіе члены Совѣта (графы Воронцовъ и Чернышевъ) были противъ союза съ Бурбонскими дворами, представляя, что «выгоднѣе для Россіи не входить ни въ какія связи и обязательства, которыя почти всегда вовлекали государство, и противъ воли его, принимать участіе въ постороннихъ дѣлахъ; что Россія, по локальному положе-

нію своему, будучи въ углу, или такъ сказать составляя большой уголъ свѣта, можетъ сама въ себѣ найти всегда достаточную защиту противъ всякихъ стороннихъ покушеній, и чѣмъ меньше заниматься станетъ внѣшними дѣлами, тѣмъ болѣе можетъ обратить свое вниманіе на внутреннія распоряженія, составляющія прямо существенную силу большаго государства» (14—16 декабря 1788 г.). Союзъ этотъ, какъ извѣстно, и не состоялся.

V. Война съ Швеціей.

Въ промежутокъ дѣйствій второй турецкой войны, Россія принуждена была выдержать войну съ Швеціей. Въ разсужденіяхъ Совѣта, относящихся къ этой войнѣ, заслуживаютъ особеннаго упоминанія соображенія по поводу предложеннаго Финляндіею отдѣленія ея отъ Швеціи и судъ надъ адмираломъ Чичаговымъ.

Предложеніе объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи.

Въ августѣ 1788 г. депутатъ финскихъ войскъ, маіоръ Эгергорнъ, объявилъ главнокомандующему русскою арміею въ Финляндіи, графу В. П. Мусину-Пушкину, что война начата королемъ (Шведскимъ) противъ желанія націи и вопреки узаконеніямъ, и что Финляндцы охотно согласятся на независимость. Совѣтъ полагалъ, что «сколь ни желательно скорѣйшее возстановленіе мира, и сколь ни полезно для насъ превращеніе Шведской Финляндіи въ область независимую, однако неудобно и неприлично принять предложеніе сего депутата о трактованіи вообще съ шведскими и финляндскими государственными чинами. Первымъ и главнымъ правиломъ должно поставить, дабы отдѣлить въ предстоящихъ договорахъ Финляндію отъ Швеціи, а иначе общій сеймъ сихъ народовъ, о коемъ предлагается, подверженъ будетъ всемѣрному затрудненію и состояться не можетъ

вскорѣ, ибо исключаемый изъ онаго король всѣ способы употребитъ бороться противу дѣянія, власть и волю его опровергающаго; потому и надлежитъ финскому депутату объявить въ отвѣтъ, что отвращеніе отъ войны его соземцевъ и оказанная Ея Величеству довѣренность не могутъ быть Ей непріятны; что если они желаютъ скорѣе воспользоваться спокойствіемъ и независимостью, то бы внушеніемъ или способами другими подвигли войска шведскія оставить Финляндію и теперь же составили бы особый сеймъ, объявили себя на ономъ независимыми и постановили тутъ правила, какія по своему благоразсмотрѣнію сами финляндскіе чины признаютъ наилучшими къ общему благу своего отечества въ предполагаемомъ новомъ образѣ ни отъ кого, кромѣ единаго Бога, независимаго правленія; что сіи отъ нихъ установленія Ея Величество утвердитъ Высочайшимъ по онымъ на вѣки торжественнымъ ручательствомъ; а въ достиженіи такого независимаго состоянія, буде бы отъ короля или шведскихъ войскъ возстали каковыя препоны, коихъ сами они одолѣть не могутъ, повелитъ Она войскамъ своимъ подкрѣплять подвиги всѣхъ благонамѣренныхъ своего отечества. Что касается до желаемаго Финляндцами возстановленія границы по Ништадтскому мирному договору, то удовлетворить сему желанію тѣмъ менѣе удобности, что такимъ образомъ еще болѣе приблизилась бы граница къ самой столицѣ здѣшней. Противъ уступки крѣпостей, тутъ заключающихся, можно сказать, что онѣ были намъ нужны въ защиту противъ Шведовъ, а Финляндцамъ къ чему же послужатъ, когда Россія, доставляя имъ независимость, пріемлетъ на себя охраненіе таковой вольности своимъ на вѣки ручательствомъ; слѣдственно защиту свою не въ укрѣпленіи границъ отъ

Россіи, но въ силахъ Россійской Имперіи они имѣть будутъ» (3-го августа 1788 г.).

Спустя нѣсколько времени послѣ этого, Эгергорнъ привезъ изъ Финляндіи записку отъ тамошнихъ помѣщиковъ относительно желаемой ими независимости, и представилъ начертаніе дѣйствій, нужныхъ со стороны Россіи въ подкрѣпленіе составляемой для этого предмета конфедераціи. Но Императрица, препровождая ихъ въ Совѣтъ, писала: «объявить Совѣту, что понеже Мнѣ извѣстно сдѣлалось, что съ восемью некомплектными полками, нынѣ въ Финляндіи находящимися, ни теперь, ни въ будущее время предпріятій никакихъ надъ непріятелемъ учинить нѣтъ возможности, и для того приказала Я иностранному департаменту сказать добронамѣреннымъ къ намъ Финнамъ, чтобъ они старались для себя избрать мѣры тѣ, которыя они для своей безопасности найти могутъ полезнѣе, и чтобъ они, на насъ надѣясь, далѣе себя не ввели въ погибель». Совѣтъ продолжалъ настаивать на прежнемъ рѣшеніи, «считая отторженіе Финляндіи отъ Швеціи преимущественнѣе предъ всѣми выгодами, которыя въ настоящую войну пріобрѣсть мы могли: оно доставило бы навѣки, такъ сказать, преграду Шведамъ и полную Петрову-Граду безопасность. Правда, благоразуміе претитъ полнымъ образомъ положиться на одну бумагу, подписанную нѣкоторыми чинами изъ финскихъ войскъ, и почесть оную за согласіе цѣлой націи, хотя въ томъ видѣ депутатомъ сей инструментъ представленъ: однакожъ, осторожность сохраняя, не должно ни времени терять, ни желанія просящихъ удерживать, тѣмъ паче, что король, созывая сеймъ, успѣетъ на онымъ низложить доброхотствующихъ независимости финляндской, если

Россія не обнадежитъ ихъ своимъ подкрѣпленіемъ, на которое уповая приняли бы они свою рѣшимость» (2-го января 1789 г.). Но дѣлу этому не суждено было въ то время осуществиться.

Судъ надъ адмираломъ Чичаговымъ.

Въ томъ же году, 6 августа, Императрица, недовольная дѣйствіями флота въ Балтійскомъ морѣ, отдала поведеніе главнокомандующаго адмирала Чичагова на судъ Совѣта. «Изъ полученныхъ реляцій адмирала Чичагова видно»—писала Она Совѣту—«что Шведы атаковали его, а не онъ ихъ, что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку, что на оной потерянъ капитанъ бригадирскаго ранга и нѣсколько сотъ прочихъ воиновъ безъ всякой пользы Имперіи, что наконецъ онъ возвратился къ здѣшнимъ водамъ будто ради прикрытія залива Финскаго. Я требую, чтобъ поведеніе адмирала Чичагова въ Совѣтѣ сличено было съ данною ему инструкціею и Мнѣ рапортовано было за подписаніемъ Совѣта, выполнилъ ли вышеупомянутый адмиралъ инструкцію, ему данную за Моимъ подписаніемъ, или нѣтъ, дабы Я посему могла взять надлежащія мѣры; ибо примѣчательно становится по шведской войнѣ, что недѣйствіе аки бы предметъ былъ всѣхъ начальниковъ тогда, когда живое и согласное дѣйствіе вездѣ надъ врагомъ имъ поверхность дать могло, а Имперіи доставило бы всѣми желаемый миръ; а теперь родится отъ всего сего тройной Имперіи вредъ: 1-й—непослушаніе въ исполненіи данныхъ предписаній, чрезъ что нынѣ Франція погибаетъ; 2-й—великія издержки, по пустому употребленныя и умножающіяся медленіемъ; 3-й—потеря по пустому людей и времени». Совѣтъ, по разсмотрѣніи образа дѣйствій Чичагова съ данною ему инструкціею, нашелъ, что «сей адмиралъ удовлетворилъ совер-

ненно данным ему предписаніям, опричь единаго пункта— возвращенія своего къ Финскому заливу, въ чемъ ему надобности не было» (6—7 августа 1789 г.).

VI. Второй раздѣлъ Польши.

Еще прежде окончанія второй турецкой войны, начались вновь столкновенія съ Польшею, гдѣ, послѣ разныхъ волненій и междоусобій, 3 мая 1791 г., провозглашена была новая конституція, въ противность интересамъ Россіи. По поводу этого переворота, о которомъ было немедленно донесено нашимъ посломъ, Императрица прислала въ Совѣтъ собственноручное повелѣніе, въ которомъ было изображено: «положите на мѣрѣ, что̀ по польскимъ дѣламъ теперь дѣлать надлежитъ». Совѣтъ разсуждалъ, что «ежели новый образъ правленія во всей Польшѣ принятъ будетъ и совершенно установится, не можетъ онъ быть не вреденъ сосѣднимъ державамъ, слѣдовательно и Россіи; что какъ однако еще не извѣстно, не содѣйствовалъ ли тутъ Прусскій дворъ, предпочтя въ семъ случаѣ удачу временныхъ своихъ видовъ коренной пользѣ, то прежде объясненія сего важнаго обстоятельства и нельзя никакого принять рѣшенія, особливо теперь, когда война съ Турками продолжается и дѣла наши съ Берлинскимъ и Лондонскимъ дворами приходятъ къ какой либо развязкѣ; что между тѣмъ нужно однакожъ снестися по нынѣшнимъ польскимъ дѣламъ съ союзнымъ намъ дворомъ Вѣнскимъ для узнанія его мыслей» (12-го мая 1791 г.). Но еще прежде, чѣмъ узнаны были мысли Вѣнскаго двора, прусскій министръ Бишофсвердеръ изъяснился нашему въ благонамѣренности своей, а о послѣдовавшей въ Польшѣ перемѣнѣ образа правленія отозвался, что сія перемѣна требуетъ нашего общаго уваженія,

и что нужно бы условиться о недопущеніи австрійскаго принца сочетаться бракомъ съ новою польскою инфантою, обязавшись не женить на ней ни россійскаго Великаго Князя, ни прусскаго принца (15-го мая 1791 г.).

Между тѣмъ Австрійскій дворъ, видя въ происшествіяхъ польскихъ политику Прусскаго двора и опасаясь сопротивленіемъ новому порядку вызвать тѣсный союзъ между Польшею, Пруссіею и Саксоніею, объявилъ себя за послѣдовавшія въ Варшавѣ перемѣны и поручилъ своему посланнику въ Варшавѣ отзываться, что эти перемѣны двору его, да конечно и Россійскому противны быть не могутъ» (26-го мая 1791 г.). Но Россія, въ виду перенесенныхъ сю оскорбленій отъ Польши, не могла отнестись къ этому дѣлу столь же равнодушно, какъ Австрія, тѣмъ болѣе, что диссиденты, не имѣвъ успѣха въ своихъ сношеніяхъ съ константинопольскимъ патріархомъ, чрезъ составленную съ дозволенія правительства конференцію въ Пинскѣ, выработали положенія касательно церковной іерархіи и другихъ дѣлъ духовенства греческаго исповѣданія (21-го іюля 1791 г.), клонившіяся къ учрежденію въ Польшѣ независимой православной церкви, съ подчиненіемъ ея лишь до времени константинопольскому патріарху.

Тарговицкая конфедерація.

Часть Поляковъ не приняла новой конституціи. Генералъ артиллеріи Потоцкій и польскій гетманъ Ржевусскій, на сдѣланный имъ позывъ явиться для учиненія присяги по поводу конституціи, прислали отрицательные отвѣты (22-го января 1792 г.). Ихъ обоихъ отрѣшили отъ должностей (29 января). Потоцкій сталъ во главѣ конфедераціи (Тарговицкой), объявившей кон-

ституцію 3 мая уничтоженною. Но многіе изъ враговъ Россіи продолжали распускать разные слухи для вящшаго противъ нея раздраженія (3 февраля). Тогда, пользуясь окончаніемъ войны съ Портой, Императрица, вмѣсто объявленія Своего мнѣнія о произведенной въ Польшѣ реформѣ, рѣшилась двинуть противъ нея и въ подкрѣпленіе Тарговицкой конфедераціи свои войска.

Война съ Польшею 1792 г.

Высочайшая по этому предмету воля Императрицы была объявлена Совѣту 29 марта 1792 года «въ самой высшей тайнѣ», причемъ предъявлены были проэкты деклараціи по польскимъ дѣламъ, объясняющей причины вступленія нашихъ войскъ, и рескриптовъ къ генераламъ, назначеннымъ къ командованію оными. Совѣтъ по этому поводу разсуждалъ, «что сверхъ многихъ озлобленій и знаковъ прежняго недоброхотства, оказанныхъ Россіи со стороны партіи нынѣ въ Польшѣ господствующей, въ теченіе минувшей войны съ Турками, произведенная тою же партіею перемѣна правленія для насъ предосудительна и вредна, и что потому необходимо нужно стараться испровергнуть оную; что проектъ предложенной Совѣту отъ имени Ея Величества деклараціи по польскимъ дѣламъ составленъ въ израженіяхъ пристойныхъ и положенію дѣлъ сообразныхъ; число войскъ Россійскихъ назначаемое весьма достаточно, а мѣры въ проэктахъ рескриптовъ начертанныя представляются надежными къ одержанію полнаго въ томъ успѣха, если только намъ единственно противустанутъ польскія войска. Но для обезпеченія себя въ таковомъ успѣхѣ нужно не меньше быть увѣренными въ согласіи на то и со стороны сосѣднихъ Польшѣ, Вѣнскаго, особливо же Берлинскаго дворовъ. Въ уваженіи сего и по убѣжденію, что

настоящая форма правленія, коварствомъ и насиліемъ въ Польшѣ введенная, столько же или болѣе на времена грядущія для монархіи Русской предосудительна быть можетъ, Совѣтъ почитаетъ нужнымъ сдѣлать новое съ Берлинскимъ дворомъ дружеское объясненіе, предлагая ему, что число недовольныхъ въ Польшѣ не мало, что для достиженія нашихъ предположеній мы намѣрены ихъ подкрѣпить; что время наступающее къ выводу изъ турецкихъ областей войскъ россійскихъ подаетъ къ тому удобный случай, которымъ и положено у насъ воспользоваться; для успокоенія же Берлинскаго двора необходимо подать ему увѣреніе, что намѣренія Ея Императорскаго Величества безкорыстны и ни къ чему иному не клонятся, кромѣ возвращенія вещей въ то состояніе, въ каковомъ имъ быть свойственно для покоя сосѣднихъ державъ. Безъ таковыхъ предварительныхъ сообщеній и обнадеживаній сомнительно, чтобъ онъ остался равнодушнымъ зрителемъ всего нами производимаго, тѣмъ болѣе, что кромѣ другихъ поводовъ, одно любочестіе—что не сдѣлано ему никакого откровенія о предпринимаемыхъ въ сосѣдней землѣ и толь близко границъ его простираемыхъ дѣйствіяхъ—возбудитъ въ немъ безпокойство. Вѣнскому двору, въ качествѣ союзнаго, равное же сообщеніе учинено быть долженствуетъ. Предпринимая дѣйствіе въ Польшѣ съ такими достаточными силами, надлежитъ стараться, чтобъ таковое знатныхъ силъ и способовъ употребленіе награждено было по крайней мѣрѣ доставленіемъ прочнаго на будущія времена со стороны Польской спокойствія и безопасности, ибо несходствовало бы съ тѣмъ одно пальятивное направленіе дѣлъ тамошнихъ. По мнѣнію Совѣта, возстановленіе правленія Польскаго въ томъ

состоянии, въ какомъ оно было при двухъ предпослѣднихъ короляхъ, Августѣ II и Августѣ III, всего для насъ сходнѣе, въ разсужденіи, что тогда правительство, кромѣ обыкновеннаго теченія дѣлъ, и самые сеймы безъ всякой вредной для сосѣдей дѣятельности находилися; сила же наша и вліяніе болѣе на общія дѣла и на выгоды и пособіе для войскъ нашихъ, нежели на частныя выгоды чьи-либо простиралися. Опыты царствованія нынѣшняго короля доказали, что онъ при всякомъ случаѣ искалъ присвоить себѣ власти болѣе предмѣстниковъ своихъ, а правительству своему вящшую дѣятельность».

12 апрѣля 1792 г., по Высочайшему повелѣнію, графъ Безбородко предложилъ Совѣту, что нужно учинить положеніе относительно времени и образа врученія въ Варшавѣ заготовленной деклараціи и какъ потомъ посланникъ Булгаковъ поступить долженъ касательно своего оттуда выѣзда? Совѣтъ разсуждалъ: «1) что какъ въ посланныхъ къ генераламъ Каховскому и Кречетникову предписаніяхъ назначено войскамъ нашимъ войти въ Польшу въ первыхъ числахъ мая, а по извѣстіямъ, здѣсь имѣющимся, могутъ они вступить туда около 10, помянутую же декларацію посланникъ Булгаковъ можетъ получить къ 1-му числу того мѣсяца: то, по соображенію сего времени съ тѣмъ, которое надобно еще предоставить ему на сношеніе съ благонамѣренными Поляками къ лучшему въ предположеніяхъ нашихъ успѣху, слѣдуетъ наставить сего министра, чтобъ онъ ту декларацію за своимъ подписаніемъ между 1 и 6 числомъ мая вручилъ тамъ канцлеру и вице-канцлеру. Если бы однако предъ таковымъ врученіемъ получилъ онъ извѣстіе, что войска наши могутъ войти въ Польшу и ранѣе 10 числа, то нужно, чтобъ

онъ поспѣшилъ подачею деклараціи, дабы она вступленію ихъ предшествовала; 2) что нѣтъ ему нужды сообщать ее предварительно ни которому изъ находящихся тамъ иностранныхъ министровъ, какъ потому, чтобъ желаемому хорошему отъ нея дѣйствію не помѣшали они иногда нескромностію своею или инымъ образомъ, такъ и потому, что еще ожидаемъ мы по симъ дѣламъ отвѣта отъ дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго. Но какъ однакожъ быть можетъ, что сіи дворы отвѣтами своими промедлятъ, то уже, и не дожидаясь ихъ, слѣдуетъ для надлежащаго сообщенія послать ту декларацію къ пребывающимъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ министрамъ нашимъ въ то же время, когда она отправлена будетъ въ Варшаву къ посланнику Булгакову; 3) что по врученіи деклараціи долженъ онъ ожидать отзыва отъ тамошняго правленія. Но какъ статься можетъ, что приметъ оно ее не въ томъ благонамѣренномъ видѣ, въ которомъ она составлена, и почтетъ ее за объявленіе войны, то и надобно ему заблаговременно принять всѣ нужныя къ отъѣзду своему мѣры, дабы въ случаѣ, ежели онъ къ тому отъ правительства формальнымъ объявленіемъ принужденъ будетъ и не дадутъ ему времени списаться со дворомъ здѣшнимъ, или и онъ усмотритъ въ продолженіи пребыванія своего тамъ личную для себя опасность, или что оно соображено быть можетъ съ каковыми либо невыгодностями для достоинства Ея Императорскаго Величества, могъ онъ и дѣйствительно выѣхать оттуда за границу нашу. Принадлежащихъ къ посту его чиновъ, цифры и другія секретныя, а особливо новѣйшаго времени бумаги имѣетъ онъ взять съ собою; а прочія, архивъ министерской составляющія дѣла, равно какъ и иныя вещи, уклавъ и запечатавъ лучшимъ и на-

дежнѣйшимъ образомъ, поручить датскому министру, который, яко акредитованный отъ двора, союзнаго съ нами, неучаствующаго въ дѣлахъ польскихъ, можетъ тѣмъ удобнѣе храненіе всего того взять на себя. Но буде бы посланнику Булгакову учинено было токмо постороннее или партикулярное о выѣздѣ внушеніе и онъ при томъ вышеозначенныхъ неудобностей не усмотритъ, долженъ онъ отвѣчать, что, не имѣя отсюда повелѣнія, поста своего оставить не смѣетъ; 4) что нужно помянутыхъ военноначальниковъ нашихъ предварительно наставить, дабы они, какъ скоро вступятъ въ Польшу и выдадутъ тамъ отъ себя объявленія, объясняющія предметъ сего вступленія, немедленно доставили отъ себя къ начальникамъ пограничныхъ съ Польшею губерній россійскихъ по нѣскольку экземпляровъ того объявленія, дабы и сіи начальники зависящими отъ нихъ способами разсѣяли оное въ областяхъ республики».

Вслѣдъ засимъ двѣ арміи двинулись въ предѣлы Польши: одна, подъ начальствомъ Каховскаго, изъ Бессарабіи направилась на Волынь, другая, подъ предводительствомъ Кречетникова, изъ Бѣлоруссіи заняла Литву, гдѣ составилась также конфедерація. Польскій король обратился къ хитрости — прислалъ къ Императрицѣ письмо, въ которомъ, упомянувъ мимоходомъ о Россійскомъ въ Польшѣ вліяніи и о переходѣ войскъ нашихъ чрезъ области сей республики, требовалъ, чтобъ Ея Величество назначила ему, преемникомъ престола Польскаго, втораго внука Своего, Великаго Князя Константина Павловича, поставляя на видъ, что они имѣютъ нужду въ прочной формѣ правленія, представляя затрудненіе въ исполненіи декларации и настаивая на перемиріи. Совѣтъ нашелъ, что предложенія, учиненныя

Польскимъ королемъ, не имѣютъ ни малѣйшаго вида искренности, что онъ только старается выиграть время и навлечь на Русскій дворъ подозрѣнія другихъ державъ, что потому остановить производство принятыхъ Императрицею намѣреній было бы несходственно ни съ достоинствомъ Ея Величества, ни съ пользою государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено внушить королю, что отъ него зависитъ способствовать скорѣйшему возстановленію тишины въ его отечествѣ приступленіемъ къ конфедераціи, благомыслящими составляемой, съ которою и могъ бы быть собранъ сеймъ для учрежденія вещей въ томъ порядкѣ, въ какомъ быть надлежитъ по прежнимъ коренным законамъ республики.

По вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу и Литву, мятежники, назвавшіе себя патріотами, разбиваемы были на каждомъ шагу. Не надѣясь на помощь ни отъ Франціи, ни отъ Пруссіи, вступившей въ союзъ съ Россіею, король вмѣстѣ съ арміею (23 іюля рѣшился пристать къ благонамѣренной конфедераціи. Но какъ неискренность въ его обращеніи скоро обозначилась, то русскимъ генераламъ приказано было продолжать свои дѣйствія и занять указанныя имъ мѣста въ Польшѣ. Коронная и литовская конфедераціи предполагали соединиться въ Брацѣ для составленія плана будущему правленію. Императрица приказала прислать къ себѣ проэкты всѣхъ коренныхъ законовъ, кои тамъ установить хотятъ, требуя въ то же время, чтобъ и король учинилъ новую присягу на предложенныя ему условія или pacta conventa. Наконецъ генеральная конфедерація собралась въ Гродно. Русскій посланникъ Сиверсъ объявилъ ей о присоединеніи къ Россіи польскихъ областей, издревле принадле-

жавшихъ Россіи и составившихъ теперь три русскія губерніи: Волынскую, Подольскую и Минскую. Донесеніе о семъ посла доложено было Совѣту 7 апрѣля 1793 г. Пруссія получила воеводства Великопольскія съ Гданскомъ и Торномъ. Приведеніе въ исполненіе плана раздѣла поручено Сиверсу. Гродненская конфедерація $^{11}/_{22}$ іюля подписала трактатъ объ уступленныхъ земляхъ.

VII. Третій раздѣлъ и паденіе Польши.

Спокойствіе, установившееся въ Польшѣ послѣ означенныхъ событій, продолжалось недолго. 4-го апрѣля 1794 г., въ четвергъ на страстной недѣлѣ, вспыхнулъ мятежъ въ Варшавѣ, и скоро обозначилось, что заговоръ распространился по всей Польшѣ, и что въ немъ участвуетъ самъ король съ знатнѣйшими членами правительства. Прусскія польскія области также возмутились. Главными вождями мятежа были: Мадалинскій, Бржиковскій и Зайончекъ. Сдѣлавъ, согласно разсужденіямъ Совѣта, предварительныя распоряженія къ обезпеченію нашихъ границъ и снесшись съ союзными дворами (20-го апрѣля 1794 г.), Императрица призвала Румянцева, а Румянцевъ отрядилъ въ Польшу командиромъ генералъ-аншефа графа Суворова-Рымникскаго (31-го августа 1794 г.).

25 сентября, читанъ въ Совѣтѣ рапортъ Суворова изъ Брестъ-Литовска о совершенномъ разбитіи непріятельскаго корпуса съ генераломъ Рущицы; 30 октября — донесеніе графа Румянцева-Задунайскаго о разбитіи бригадира Дениско съ немалою толпою польскихъ мятежниковъ отрядомъ части изъ войскъ, командуемой генералъ-маіоромъ графомъ Разумовскимъ.

24 октября, взята Прага (Варшавское укрѣпленное пред-

мѣстье), а 29-го сдалась и Варшава. Суворовъ прислалъ ключи польскаго столичнаго города, а генералъ Ферзенъ донесъ о взятіи въ плѣнъ польскаго корпуса, ушедшаго было изъ Варшавы, и самого предводителя ихъ Вавржевскаго, преемника Костюшки, съ нѣсколькими генералами (20-го ноября 1794 г.).

Императрица потребовала мнѣнія Совѣта, какія бы вслѣдствіе того учинить распоряженія. Совѣтъ положилъ: 1) въ наказаніе Поляковъ за вѣроломство взять съ жителей контрибуцію, предоставивъ количество ея опредѣлить графу Суворову; 2) сохраняя все принадлежащее собственно особѣ короля Польскаго, взять и прислать сюда всѣ, какія въ Варшавѣ найдутся, регаліи, также знаки разныхъ чиновъ, именно гетманскія булавы, знамена, бунчуки, печати, маршальскіе жезлы, словомъ всѣ тѣ вещи, кои принадлежатъ коронѣ Польской и великому княжеству Литовскому, включая тутъ государственный архивъ и библіотеку публичную, Залускою называемую; 3) Суворову продолжать пребывать въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока переговоры съ союзными дворами о будущемъ жребіи Польши успѣхъ свой возъимѣютъ, и чтобы между тѣмъ правленіе въ Варшавѣ производимо было отъ имени Ея Величества и возстановлены были суды по гродненскому сейму и тарговицкой конфедераціи; 4) короля перевесть въ Гродно; 5) хотя протестаціи суть незначущія средства, обыкновенно по слабости употребляемыя, но тѣмъ не меньше надлежитъ оныхъ не дозволять и тѣхъ, кто ихъ учинитъ, брать подъ стражу и посылать въ Россію (13-го ноября 1794 г.). Графъ Суворовъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ.

Для Польши наступилъ конецъ. Станиславъ-Августъ отказался отъ престола; области Литовская, Гродненская и Курляндская

присоединены къ Россіи; воеводства Краковское, Сендомирское и Люблинское—къ Австріи; остальныя затѣмъ земли съ городомъ Варшавою—къ Пруссіи.

VIII. Разсужденія и распоряженія Совѣта по поводу французской революціи.

Въ заключеніе обзора отношеній Россіи къ иностраннымъ государствамъ, имѣвшихъ столь важное вліяніе на ея положеніе въ Европѣ, любопытно остановиться на разсужденіяхъ и распоряженіяхъ Совѣта Императрицы Екатерины II по поводу событій, совершившихся во Франціи, въ послѣдніе годы Ея царствованія.

Первыя свѣдѣнія о французской революціи стали доходить до Совѣта еще въ половинѣ 1789 года: 9 іюля сего года читано было министерское донесеніе о «продолжающихся спорахъ между тремя государственными чинами и о дѣлаемыхъ отъ народа продерзостяхъ». Вслѣдъ за тѣмъ получены извѣстія о выѣздѣ изъ Франціи принцевъ королевскаго дома (1-го ноября 1789 г.); объ уничтоженіи народнымъ собраніемъ наслѣдственнаго дворянства (16-го іюля 1790 г.); объ отмѣнѣ въ Парижѣ особенныхъ одеждъ, каковыя носили монахи разныхъ орденовъ (30-го сентября 1790 г.); объ отъѣздѣ изъ Парижа принцессъ, тетокъ королевскихъ, который былъ причиною къ скопищамъ народа у люксенбургскаго и тюльерійскаго дворцовъ (10-го марта 1791 г.). Въ іюнѣ 1791 г. пришло извѣстіе о побѣгѣ короля Французскаго съ фамиліею его изъ Парижа (30-го іюня 1791 г.); 7 іюля, по поводу совершающихся событій во Франціи, «гдѣ народное собраніе управляетъ государствомъ безъ участія королевскаго», Совѣту сообщено было желаніе Прусскаго короля,—находившагося въ недоумѣніи, оставлять ли своего министра

въ Парижѣ и французскаго въ Берлинѣ,—вѣдать мысли Ея Величества. Императрица, соглашаясь, что настоящее положеніе Франціи заслуживаетъ вниманія всѣхъ государей, предложила Совѣту на разсужденіе, какой бы отвѣтъ дать прусскому министру. Совѣтъ предлагалъ снестись о томъ съ дружественными дворами, а прусскаго министра увѣдомить, что Ея Величество не изволила еще принять никакой резолюціи. Между тѣмъ французскій повѣренный въ дѣлахъ Женe (Genet) изъявилъ желаніе, чтобъ теперь еще не вступались иностранныя державы въ дѣла его отечества. Нашему министру въ Парижѣ предписано было «согласоваться болѣе съ поступками тѣхъ иностранныхъ министровъ, кои окажутъ себя привязанными къ королю, не отрекаясь даже составить съ ними общее дѣло, еслибъ разсудили они за благо сдѣлать какой либо поступокъ въ пользу Его Величества, въ противномъ же случаѣ выѣхать оттуда въ нѣмецкую землю подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ».

Послѣ задержанія Французскаго короля Вѣнскій дворъ предлагалъ европейскимъ государямъ составить общее дѣло для пресѣченія неустройства во Франціи, требовать освобожденія сего государя съ его фамиліею, чтобъ соблюсти по крайней мѣрѣ существеннѣйшій образъ монархіи Французской, соглашая новую ея конституцію съ ограниченіями, учиненными и чинимыми по доброй волѣ королевской и по несомнительной власти націи; чтобъ иностраннымъ министрамъ въ Парижѣ подать общую декларацію; въ случаѣ же непринятія ея пресѣчь всѣмъ державамъ всякое съ Франціею сношеніе и сообщеніе; для соглашенія же по симъ дѣламъ, Вѣнскій дворъ предлагалъ

министерскій конгрессъ въ Спа или Ахенѣ. Совѣтъ, которому Императрица передала это на обсужденіе, полагалъ, что хотя неокончившаяся война съ Турками и самое столь дальное отстояніе здѣшней Имперіи отъ предѣловъ французскихъ не позволяютъ намъ подать Вѣнскому двору и другимъ соглашающимся съ нами державамъ никакого дѣятельнаго вспоможенія, кромѣ развѣ денежнаго, однако дѣлаемыя отъ нихъ во Франціи представленія подкрѣплять и другія возможныя по здѣшнимъ обстоятельствамъ мѣры принимать конечно нужно, и предлагаемыя теперь отъ Вѣнскаго двора кажутся приличными и достаточными.

24 іюня 1792 г., въ Совѣтѣ состоялось постановленіе о высылкѣ отсюда Жене, съ изъясненіемъ, что продолжающіеся столь давно неустройства и безпорядки во Франціи, часъ отъ часу возрастая, съ ниспроверженіемъ тамъ законной власти, не позволяютъ здѣшнему двору имѣть съ нею таковаго, какъ прежде, сношенія, доколѣ не возстановится тамъ благоустройство и не будутъ возвращены королю свойственныя и принадлежащія ему права и преимущества.

Въ январѣ 1793 года, по поводу извѣстія о смерти Людовика XVI, Совѣтъ, «приводя себѣ на память то похвальное поведеніе, которое въ Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, наблюдаемо было во время подобнаго съ Англійскимъ королемъ Карломъ I случившагося несчастія», положилъ: «прервать политическое, торговое и всякое съ Франціею общеніе, доколѣ не возстановится тамъ правленіе и власть законная въ особѣ короля, кому по праву наслѣдства она принадлежитъ, а для того: 1) силу и дѣйствіе торговаго договора съ Франціею, въ 1786 г.

заключеннаго, остановить; 2) судовъ французскихъ подъ нынѣшнимъ флагомъ въ воды Россійской Имперіи принадлежащія не впускать; 3) французскихъ консуловъ и агентовъ выслать изъ Россіи; 4) равномѣрно велѣть выѣхать изъ Россіи французскимъ купцамъ, мѣщанскіе промыслы имѣющимъ, и художникамъ обоего пола, также какъ парикмахерамъ, поварамъ и другимъ ремесленникамъ, равно какъ домашнимъ учителямъ и учительницамъ, исключая тѣхъ изъ нихъ, кои, отрекшись отъ неистовыхъ правилъ, въ ихъ землѣ исповѣдуемыхъ, и отъ всякаго съ нею сношенія, похотятъ остаться въ Россіи для спокойнаго пребыванія и продолженія невинныхъ промысловъ и обяжутся къ тому клятвеннымъ обѣщаніемъ; 5) консуламъ русскимъ приказать выѣхать изъ Франціи и всѣхъ земель, коими владѣютъ Французы; 6) запретить здѣшнимъ подданнымъ ѣздить во Францію и имѣть какое либо сношеніе съ Французами, въ отечествѣ своемъ пребывающими; 7) вѣдомостей и другихъ сочиненій, кои во Франціи издаются и печатаются, въ Россію совсѣмъ не впускать; 8) Французамъ, внѣ Россіи находящимся, возбранить въѣзжать въ Имперію здѣшнюю, исключая имѣющихъ для того свидѣтельства отъ принцевъ французскихъ». Вѣнскій дворъ требовалъ даже помощи войсками противъ Франціи, но Совѣтъ, въ виду бывшей въ ту пору войны съ Польшею (27-го мая 1792 г.), подъ разными благовидными предлогами отклонилъ это требованіе.

II. ОТДѢЛЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ.

Покрывъ Россію славою военныхъ дѣлъ, поставивъ ее на высокое мѣсто въ средѣ Европейскихъ державъ, Императрица Екатерина II не менѣе сдѣлала для ея внутренняго благоустройства. Можно сказать, что геній Императрицы не былъ воинственнымъ или завоевательнымъ. Законодательство и внутреннее благоустроеніе государства составляютъ ея настоящую стихію. Ими она начала Свое царствованіе и къ нимъ обращалась всякій разъ, какъ только открывалась свобода отъ военныхъ дѣйствій. Начавшаяся въ 1768 г. война съ Турціей прервала Ея законодательную дѣятельность, остановивъ дѣйствія Коммисіи, образованной въ 1766 г. для составленія уложенія. Но тотчасъ же по заключеніи мира, Она снова возвращается къ дѣйствіямъ законодательства и внутренняго благоустроенія государства, къ тому, что Сама Она назвала «пріятнымъ сердцу ея трудомъ». «Распространеніе предѣловъ государства»—сказано въ манифестѣ по поводу изданнаго въ 1775 г. учрежденія о губерніяхъ,— «умноженіе народа и изобиліе перемѣняли всегда образъ ихъ управленія и часто заставляли дополнять и самыя законоположенія, учинившіяся или неудобными или недостаточными. Соображая прежнее и нынѣшнее Россіи состояніе, усматривается, сколь умноженіе и просвѣщеніе народное возбуждаетъ попеченіе и заботы правительствъ. Премудрый Императоръ Петръ Великій, стараясь о просвѣщеніи и пользѣ подданныхъ своихъ, издалъ много разнообразныхъ законовъ и учрежденій, но рановременная его кончина оставила ихъ при самомъ ихъ основаніи.

бывшія по немъ перемѣны произвели въ нихъ отмѣны или присвоили имъ другія мысли. Ея Императорское Величество, съ возведенія Своего на престолъ, соизволила пещись о спознаніи вообще частей внутренняго государственнаго управленія, требующихъ поправленія или изданія новыхъ учрежденій и узаконеній. По созывѣ въ 1766 г. со всей Имперіи депутатовъ, оставалось ожидать отъ трудовъ Коммиссіи уложенія соотвѣтствующихъ ея попеченію плодовъ, какъ начавшаяся вскорѣ потомъ и шесть лѣтъ продолжавшаяся война отвлекла людей и заняла время и мысли на оборону вѣры и отечества. Но Богъ, даровавъ намъ славный миръ и тишину, доставилъ Ей опять время упражняться пріятнымъ сердцу Ея трудомъ» (2-го ноября 1775 г. ч. II, стр. 208).

Должно однакожъ сказать, что важнѣйшія внутреннія учрежденія и узаконенія, состоявшіяся главнымъ образомъ въ промежутокъ времени между первою и второю турецкими войнами и составляющія славу царствованія Императрицы Екатерины II (учрежденіе для управленія губерній, уставъ благочинія, грамота Россійскому дворянству, грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи) были только прочитываемы въ Совѣтѣ, исходя непосредственно отъ лица Самой Императрицы. Но независимо отъ того, весьма много постановленій, узаконеній и правительственныхъ распоряженій, административныхъ и финансовыхъ состоялось вслѣдствіе представленій Совѣта или, по крайней мѣрѣ, прошло, по Высочайшей волѣ, чрезъ обсужденіе Совѣта. Извлеченія изъ протоколовъ, содержащія въ себѣ эти распоряженія, составляютъ вторую часть издаваемаго нынѣ сборника. Они излагаются систематически, по предметамъ, при-

мѣняясь къ порядку, принятому въ нынѣшнемъ Сводѣ Законовъ. Касаясь почти всѣхъ сторонъ гражданскаго и военнаго управленія, они представляютъ богатый матеріалъ для исторіи администраціи и внутренняго развитія Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Здѣсь ниже приводятся, въ видѣ образца, нѣкоторыя изъ сужденій Совѣта по дѣламъ этого рода, относящіяся къ обезпеченію народнаго продовольствія, учрежденію банковъ, заботамъ объ усиленіи государственныхъ доходовъ и разнымъ полицейскимъ распоряженіямъ, вызывавшимся особыми обстоятельствами.

Заботы о народномъ продовольствіи.

Народное продовольствіе доставляло немаловажную заботу Совѣту по случавшимся нерѣдко неурожаямъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Съ этою цѣлью были постоянно представляемы Совѣту донесенія изъ губерній объ урожаѣ или недостаткѣ хлѣба. Принимаемыя, въ случаѣ неурожаевъ, мѣры воспособленія состояли иногда въ запрещеніи вывоза хлѣба за границу, иногда въ денежныхъ ссудахъ, а чаще всего въ употребленіи избытковъ одной губерніи въ пользу другой. Но особенно заботилась Сама Императрица объ учрежденіи, для обезпеченія народнаго продовольствія, запасныхъ магазиновъ. Въ 1772 году Она объявила въ Совѣтѣ, что для учрежденія могущей случиться, при возвращеніи въ границы послѣ замиренія войскъ, въ хлѣбѣ дороговизны, желаетъ Ея Величество употребить нынѣ триста тысячъ рублевъ на покупку хлѣба и на заведеніе магазиновъ по провинціямъ. Генералъ-прокуроръ представлялъ на то, что нечаятельно, чтобъ возвращеніе войскъ причинило великую дороговизну, и что легче со всѣмъ тѣмъ будетъ употребить на сіе четыре.

нежели теперь триста тысячъ. Посему было разсуждаемо, что войска, хотябъ и въ семъ году миръ заключенъ былъ, не могутъ возвратиться прежде будущаго, и что потому нѣтъ нужды зачинать сіе прежде будущей жатвы, и Ея Императорское Величество заключила сіе Своимъ на то соглашеніемъ и объявленіемъ, что помянутую сумму изволитъ доставить отъ Себя (2-го апрѣля 1772 г.). Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Совѣта видно, что запасные магазины уже существовали во многихъ губерніяхъ, какъ-то: С.-Петербургской, Рижской, Смоленской и Псковской.

Финансовыя мѣры.

Переходя къ обозрѣнію финансовыхъ дѣлъ по протоколамъ Совѣта, должно замѣтить, что въ виду обширныхъ предпріятій Императрицы, внѣшнихъ и внутреннихъ, требовавшихъ значительныхъ средствъ, Она не только предлагала Совѣту проекты манифестовъ по этой части, но также обращалась къ нему для разрѣшенія представлявшихся Ей финансовыхъ вопросовъ, какъ-то: относительно кредитныхъ учрежденій, займовъ, мѣдныхъ денегъ, усиленія государственныхъ доходовъ, и проч.

Банки.

Въ самый годъ учрежденія Совѣта открыты были ассигнаціонные банки въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, съ капиталомъ въ одинъ милліонъ рублей, причемъ имъ повелѣно было выпустить въ народное обращеніе такую же сумму ассигнаціями. Ассигнаціи эти должны были имѣть одинаковую стоимость съ золотою и серебряною монетою, и въ облегченіе ихъ размѣна учреждены были губернскія конторы означенныхъ банковъ. Но вслѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій, курсъ ихъ съ теченіемъ времени очень понизился, не смотря на постоянную забот-

ливость Совѣта къ его возвышенію, чрезъ умноженіе количества мѣдной монеты, чрезъ пріемъ ассигнацій въ уплату податей и другихъ казенныхъ взносовъ и т. п. Независимо отъ этой операціи, оказавшейся недостаточною для воспособленія государственнымъ нуждамъ, правительство приступило, съ одной стороны, къ преобразованію кредитныхъ учрежденій, основанныхъ Императрицею Елизаветою Петровною, подъ именемъ дворянскаго и коммерческаго банка, въ такъ называемый заемный банкъ, а съ другой стороны, обращалось неоднократно къ заграничнымъ займамъ. Что касается до заграничныхъ займовъ, то изъ протокола Совѣта 27 мая 1770 г. видно, что коммисіонеры правительства по этому предмету, для успѣха своего посредничества, добивались поручительства въ займѣ со стороны ассигнаціонныхъ банковъ. Посему, 7 іюня того же года, Ея Императорское Величество, присутствуя въ Совѣтѣ, изволила сдѣлать вопросъ: «почитать ли банкъ государственныхъ ассигнацій вымѣнною мѣдной монеты конторою и оставить его въ теперешнемъ состояніи, или его привесть въ такое положеніе, чтобы онъ приносилъ государству пользу? Если сіе послѣднее взять основаніемъ, то для чего жъ оставлено требуемое датскимъ банкиромъ поручительство онаго? Я желаю знать—заключила Государыня—воспрепятствовавшія тому причины». Генералъ-фельдцейхмейстеръ на то донесъ, что требуемое отъ банка поручительство оставлено до времени потому, что заимодавецъ поставилъ оное кондиціонально въ своихъ предложеніяхъ, и что въ читанномъ предъ симъ проектѣ акта сопряжены были два предмета, то есть о поручительствѣ банка и о присоединеніи къ оному дворянскихъ банковъ, что на послѣднее поступить вдругъ не можно,

ибо сила и союзъ банка во всѣхъ частяхъ государства и большіе денежные обороты могутъ причинить революцію въ цѣнахъ всѣхъ продуктовъ, а посему и необходимо должно войти въ разсмотрѣніе всѣхъ статовъ; что онъ не признаетъ большой пользы отъ великаго обращенія денежныхъ капиталовъ и что кредитъ банка поручительствомъ его умаленъ, ни увеличенъ быть не можетъ. Ея Императорское Величество изволила читать потомъ помянутый проектъ акта. Вице-президентъ графъ Чернышевъ предложилъ, что поручительство банка почитаетъ онъ предосудительнымъ персонѣ Ея Величества, потому что не банку за Ея Величество, какъ отъ Нея установленному, но Ей за банкъ, въ случаѣ, ежелибы онъ занималъ, какъ установительницѣ онаго, поручаться надобно. Ея Императорское Величество отвѣтствовала на это: «Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ не персонѣ государя, но государству вѣрили. Я виды свои далѣе распространяю». Графъ Чернышевъ донесъ на сіе, что приведеніе банка въ лучшее состояніе находитъ онъ нужнымъ, но что потребно начать то съ внутренняго распоряженія, а не снаружи. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Панинъ представилъ послѣ того, что нѣтъ теперь большой надобности въ поручительствѣ банка, и что весьма полезно однакожъ соединеніе всѣхъ банковъ подъ одно правленіе, дабы, получа тѣмъ силу и кредитъ, лучше соотвѣтствовалъ онъ полагаемому при его установленіи намѣренію. Выслушавъ сіе, Ея Величество изволила сдѣлать сіе заключеніе: «изъ всѣхъ вашихъ разсужденій вижу Я, что надлежитъ сдѣлать два проекта актовъ: одинъ о соединеніи банковъ и снабденіи правленія оныхъ такими преимуществами, чтобъ оно всѣми выгодами пользоваться и кредитъ

свой распространять могло, а другой о уполномочении онаго, на случай могущей быть нужды, въ чинении имъ займовъ и поручительства въ пользу государства». Къ сожалѣнію, изъ послѣдующихъ протоколовъ не видно, какіе результаты имѣли эти любопытныя разсужденія въ Совѣтѣ.

Табели государственнымъ доходамъ и расходамъ.

Для обсужденія ежегодныхъ финансовыхъ потребностей государства, составлялись и читались въ Совѣтѣ, въ концѣ года, табели государственнымъ доходамъ, расходамъ и остаткамъ съ росписью, сколько которому мѣсту принадлежитъ доходовъ, показанныхъ въ этой табели принадлежащими разнымъ правленіямъ, съ исчисленіемъ о суммахъ остаточныхъ казначействъ, какіе изъ нихъ расходы осталось произвесть въ концѣ текущаго года и полагается произвесть въ будущемъ, и съ вѣдомостями какъ чрезвычайнымъ расходамъ, остающимся къ выполненію къ будущему году, такъ и чрезвычайнымъ расходамъ новаго года. Образецъ разсмотрѣнія такихъ табелей и разсужденій по нимъ представляетъ протоколъ 19 ноября 1789 г., изъ котораго видно, что на 1790 г. предполагалось доходовъ 44.433.553 р. 22 к., а штатныхъ расходовъ 38.856.668 р. 63½ к., въ виду же чрезвычайныхъ расходовъ открывался недостатокъ въ 15.865.663 р. 22¼ к.

Мѣры къ увеличенію государственныхъ доходовъ.

Оказавшійся по бюджетамъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ заставлялъ Совѣтъ къ покрытію его обдумывать мѣры, которыя, бывъ неотяготительны народу, содѣйствовали бы однако къ увеличенію государственныхъ доходовъ. Нерѣдко прибѣгали къ выпуску новыхъ ассигнацій. Что касается до другихъ

мѣръ, то отвергнувъ предположенія объ удержаніи извѣстныхъ процентовъ изъ жалованья чиновниковъ, о взиманіи денегъ за рекрутскую повинность, о сборѣ подушной подати хлѣбомъ для продажи онаго на счетъ казны и проч., Совѣтъ остановился на возвышеніи прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Такимъ образомъ подушная подать увеличена съ 70 коп. на рубль; на вино прибавлена рублевая подать, увеличенъ акцизъ на соль. Необходимо однако замѣтить, что противъ возвышенія того и другаго налога возражала Сама Императрица. Такъ въ 1769 г., когда князь Вяземскій предложилъ, что по росписанію потребно на этотъ годъ на чрезвычайные расходы болѣе шести милліоновъ, на будущій же годъ недостанетъ 2.900.000 руб., и потому представлялъ объ изысканіи средствъ, какъ сей недостатокъ вознаградить, и когда въ Совѣтѣ зашла рѣчь о прибавкѣ подушнаго оклада, Ея Величество изволила объявить, что Она на сіе согласиться не можетъ и почитаетъ сіе за послѣдній ресурсъ, котораго, безъ самой крайности, употреблять не надлежитъ, а чтобъ изыскать другія «для народа легчайшія средства» (23-го апрѣля 1769 г.). Точно также, по прочтеніи доклада о накладкѣ на вино, Ея Императорское Величество приказала Совѣту объявить, что Она, прежде нежели оный докладъ конфирмуетъ, желаетъ, чтобъ Совѣтъ разсмотрѣлъ поданныя генералъ-прокуроромъ вѣдомости о всѣхъ государственныхъ приходахъ и расходахъ, не можноль чрезъ уменьшеніе иныхъ расходовъ нѣкоторую получить выгоду, дабы симъ способомъ облегчить народъ въ разсужденіи новой накладки и оную замѣнить; еслиже Совѣтъ не найдетъ никакихъ другихъ способовъ къ изысканію сего, то въ такомъ случаѣ по необходимости представленный докладъ будетъ кон-

фирмованъ (3-го сентября 1769 г.). И такъ лишь настойчивыя объясненія Совѣта (1 мая 1783 г.) и убѣжденіе въ улучшившемся состояніи разныхъ классовъ, вслѣдствіе дарованныхъ имъ Государыней льготъ, рѣшили Ее утвердить доклады относительно возвышенія налоговъ.

Полицейскія предосторожности и мѣры.

Волненія въ Польшѣ, которыя въ глазахъ Императрицы и Совѣта были выраженіемъ безпокойнаго характера народа, побуждали правительство воспрещать Русскимъ поѣздки въ смежныя польскія земли, а обывателей Польши удерживать отъ пріѣзда въ Россію. Но особенно обращено было вниманіе на предупрежденіе, посредствомъ полицейскихъ мѣръ, вторженія къ намъ идей, породившихъ французскую революцію. Узнавъ изъ посольскихъ донесеній, что гувернеръ сына графа Строганова, находившагося въ Парижѣ, французъ Ромъ, возитъ своего воспитанника въ клубъ Якобинцевъ и Пропаганды, «учрежденный для взбунтованія вездѣ народовъ противъ власти и властей», Императрица поручила Совѣту внушить графу Строганову, «чтобы онъ сына своего изъ такихъ зловредныхъ рукъ высвободилъ». По этому поводу Совѣтъ разсуждалъ, что «какъ находящіеся нынѣ въ Парижѣ Россіяне суть большею частію воспитанники С.-Петербургской Академіи Художествъ, то и нужно бы начальникамъ тѣхъ мѣстъ, кои воспитанниковъ своихъ посылаютъ отсюда въ чужіе края, для вящшаго въ наукахъ или художествахъ усовершенствованія, сдѣлать внушеніе о неудобности таковымъ молодымъ людямъ быть теперь во Франціи, и что пока неустройства тамошнія не пресѣкутся, лучше отправлять ихъ въ Италію или другія мѣста» (26-го августа 1790 г.).

Въ 1792 г., по случаю полученнаго изъ Генуи отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Лизакевича сообщенія о партикулярномъ отзывѣ тамошняго французскаго министра одному своему пріятелю, будто для отвращенія вниманія Россіи отъ дѣлъ его отечества послано оттуда въ Москву нѣсколько человѣкъ самыхъ проворныхъ людей для взбунтованія дворянства, и будто руководство таковыми подсыльными поручено г. Сегюру, Совѣтъ разсуждалъ, что хотя сіе извѣстіе кажется вообще совсѣмъ невѣроятнымъ, однако, «по причинѣ господствующей теперь во Франціи развратности мыслей, осторожность требуетъ, чтобъ за поведеніемъ и отзывами пріѣзжающихъ оттуда въ обѣ Россійскія столицы людей, коихъ прямое состояніе неизвѣстно, былъ особый непремѣнный присмотръ» (2-го февраля 1792 г.).

Въ томъ же году, 1 марта, въ Совѣтъ прислана была Императрицею записка слѣдующаго содержанія: «объявить Совѣту, что усмотря изъ сегодпешней почты, что княгиня Варвара Шаховская, давно уже живучи въ Парижѣ, выдала дочь свою за князя Аремберга безъ вѣдома Ея Величества, и что она съ нимъ и съ дочерью выѣхала изъ Парижа и вѣроятно что они ѣдутъ въ Россію, то Ея Величеству угодно было дать приказаніе на границахъ Своей Имперіи, дабы вышерѣченный князь Арембергъ въ Россію пропущенъ не былъ; обѣимъ же княгинямъ не запрещено возвратиться въ отечество. Причина, по которой не угодно Ея Величеству, чтобъ князь Арембергъ коснулся края Ея Имперіи, есть та, что онъ уже участникомъ былъ двухъ бунтовъ: французскаго и брабантскаго, гдѣ едва-ли и нынѣ еще показаться смѣетъ, да и въ Парижѣ былъ всегда въ тѣсной связи съ Орлеаномъ и его сволочью». Далѣе было сказано: «о имѣніи княгини Шаховской

Ея Величество прикажетъ сдѣлать распоряженіе, сходственное съ закономъ и благомъ Имперіи для огражденія и сохраненія спокойства впредь въ нѣдрахъ ея; ибо множество браковъ дворянскихъ дочерей и женъ съ иновѣрными заставляютъ опасаться, ежели дѣти тѣхъ браковъ не будутъ воспитаны въ господствующей вѣрѣ и въ Россіи, то послѣдовать можетъ современно вредное замѣшательство, пресѣкая единообразіе мысли и вводя вмѣсто того совершенное недоразумѣніе между владѣтелей и подданныхъ. Князю же Арембергу и его потомству, ежели оно не будетъ воспитано въ Россіи и въ вѣрѣ православной, здравая политика не дозволяетъ ни подъ какимъ видомъ коснуться до владѣнія имѣніемъ, состоящимъ слишкомъ въ 13.000 душахъ въ Перми, и вселить въ нихъ, отъ чего Боже сохрани, развратъ и колебаніе». Совѣтъ, выслушавъ сію записку, разсуждалъ, что князя Аремберскаго, какъ таковаго человѣка, который уже былъ замѣшанъ въ двухъ бунтахъ и слѣдовательно долженъ быть развратнаго и опаснаго образа мыслей и поведенія, не впускать въ предѣлы здѣшней Имперіи и полезно и нужно, и что въ предупрежденіе тѣхъ неудобствъ, кои непремѣнно произойти должны отъ продолженія и умноженія браковъ россійскихъ дворянскихъ дочерей и женъ съ иностранными, не менѣе надобно (какъ то Ея Императорское Величество, имѣя въ виду попеченіе о благѣ Своего государства, и предполагать изволитъ) учинить распоряженіе не только относительно воспитанія дѣтей ихъ въ вѣрѣ православной, но и касательно имѣнія ихъ, дабы иначе, безъ положенія надлежащей преграды, иностранные не сдѣлались властелинами нѣкоторой части недвижимыхъ имѣній здѣшнихъ, что-бы и было во вредъ государству».

Въ 1793 году 7 февраля, Совѣту были предложены заготовленные (по поводу неустройствъ во Франціи) проекты указа Сенату и присяги, которую должны учинить остающіеся въ Россіи Французы. Совѣтъ, выслушавъ сіи проекты, находилъ весьма приличными содержащіяся въ нихъ предписанія, яко мѣры, коихъ требуютъ честь и достоинство здѣшняго Императорскаго двора, и то справедливое омерзеніе, которое возбуждается нынѣшнимъ во Франціи буйствомъ и злоупотребленіями. Но принявъ такія мѣры и запретивъ имѣть торговое и всякое съ Франціею сообщеніе, по мнѣнію Совѣта, не безполезно и нужно воспользоваться симъ случаемъ для учиненія здѣсь еще нѣкоторыхъ внутреннихъ распоряженій, а именно: француженкамъ, разными товарами торгующимъ (marchandes des modes), кои грабятъ и раззоряютъ домы, по легкомыслію къ модамъ привязанные, совсѣмъ запретить имѣть въ Россіи лавки и продавать товары оные, хотя бы сіи женщины и учинили помянутую присягу. Согласно съ симъ заключеніемъ Совѣта, о такомъ запрещеніи и упомянуто было въ манифестѣ 8-го февраля 1793 г.